

Намерение, Воля и Потребность.

(с предварительными
замечаниями о
психических силах и
энергиях и о
структуре души)

Предисловие

Основная часть данной работы представляет собою расширенный вариант доклада, предназначавшегося для XI Конгресса по экспериментальной психологии (Мюнхен, 1925 г.), от участия в котором мне пришлось отказаться из-за болезни. Предварительные замечания, касающиеся некоторых основных вопросов статики и динамики психического, возникли в связи с пока еще не опубликованными экспериментальными исследованиями моих сотрудников, посвященными влечениям, потребностям и аффектам. Данная работа представляет собой несколько расширенный вариант первой и второй статей из вышеупомянутой серии работ «Исследования по психологии деятельности и аффектов» в «Psychologische Forschung» (Bd. 7, 4). Я благодарен редакции и издательству за любезное согласие на публикацию их отдельным изданием.

Предварительные замечания о психических силах и энергиях и о структуре души

Введение: теория и факт в научном исследовании

До последнего времени экспериментальной психологии крайне редко удавалось занять обоснованную позицию в разногласии мнений, направленных на теоретическое раскрытие «жизни человеческих влечений и аффектов» — этого центрального пласта душевной жизни. Экспериментальная психология преимущественно занята проблемами так называемой психологии внешних чувств, то есть проблемами восприятия, и тесно связанными с ними проблемами представления. Относительно близок к ним экспериментальный подход к изучению интеллектуальных процессов и памяти. Эти проблемы (особенно проблемы психологии восприятия) хорошо разработаны, что позволило к настоящему времени прийти к плодотворным и масштабным выводам. Вместе с тем, в противоположность этому, экспериментальная психология не сумела найти свой подход к влечениям и более глубоким пластам душевной жизни, несмотря на все историческое значение работ из области психологии воли. Это обусловлено целым рядом факторов.

При поверхностном взгляде может показаться, что все дело в *технических* трудностях (например, экспериментатор бессилен повлиять на социальное окружение испытуемого) или в недостаточности аппаратных возможностей, не позволяющих при изучении кратковременных психических процессов уловить точные количественные параметры их временных соотношений.

Но эти трудности здесь, как и в других областях психологии, лишь отчасти имеют действительно техническую природу. Ведь история науки показывает, что — особенно в юных науках — преодоление этих, на первый взгляд чисто внешних, препятствий теснейшим образом связано с развитием теоретического знания.

Исследователю-экспериментатору присуще своеобразное напряжение, в известном смысле родственное тому, что описывает Кьеркегор в совершенно другой области — у религиозного человека, живущего в вере и одновременно с этим в мирской реальности. (Он говорит о вере в чудо, которая в то же время имеет совершенно посясторонний характер, о вере, которая должна была бы упразднить самое себя, но тем не менее сохраняется.)

Такое же напряжение характерно и для исследователя. Хотя оно имеет во многом иную структуру, но в конечном итоге столь же парадоксально и неразрешимо. Плодотворность этого напряжения зависит от того, насколько серьезно человек работает над его разрешением, насколько, следовательно, полно оно переживается как действительно конкретная, здесь-и-сейчас постижимая и разрешимая задача.

С одной стороны, исследователь должен всецело руководствоваться теорией, — без нее экспериментирование слепо и лишено смысла, от ее широты и силы зависит значение его экспериментов. Продвижение вперед в сфере теории, ко все более глубоким, основополагающим идеям, с опорой на которые становятся возможными принципиальные, охватывающие всю полноту психической жизни построения, есть главное направление всей исследовательской работы. Эта теоретическая сфера является целым миром, который должен быть упорядочен. С этой точки зрения каждый конкретный единичный случай, с которым сталкивается исследователь, имеет значение лишь *примера*; его собственное теоретическое содержание всегда в конечном итоге проблематично и сомнительно.

С другой стороны, исследователь хочет проверить правильность своей теории экспериментом, то есть совершенно конкретным психическим событием, происходящим в определенный момент времени с определенным человеком и в определенной среде. Он должен перебросить мост от теории к полной действительности конкретного случая, который всегда представляет собой исторически единичный, неповторимый факт во всей живой полноте присущих ему свойств и связей, даже в том случае, если с точки зрения данной теории дело касается только одной определенной стороны этого процесса. Конкретные факты, признаваемые исследователем в качестве экспериментальных, принимаются им не как нечто многозначное, в известном смысле проблематичное, внутренне неустойчивое с точки зрения своего теоретического содержания; наоборот, они выступают перед ним в роли неумолимого судьи, решающего вопрос об истине и ложности, они — тот форум, перед которым должно выясниться, являются его теоретические положения призраком, подобным сотням других, или же они обладают правом обоснованной теории. И значительная часть этого судебного процесса, выходя за пределы экспериментальных фактов, протекает перед лицом бесконечного царства заурядных и повседневных больших и малых психических явлений, на охват которых претендует всякая теория.

Исследователь должен быть абсолютно твердо убежден в познаваемости и рациональности бесчисленных фактов, — незначительных и потрясающих, смешных и грандиозных — с неисчерпаемостью и непостижимостью которых ему приходится вести повседневную борьбу. Он должен подходить к фактам, и только *к ним*, открыто и без всякой теоретической предвзятости. Именно как экспериментатор он должен знать, что масса так называемых фактов ясна и однозначна только при поверхностном взгляде, а при углублении в проблему проявляется их сложность и многозначность. Он должен знать, что, опираясь на немногочисленные экспериментальные данные, он зачастую имеет право относиться с высокомерным неверием к полчищам постоянно встречающихся фактов, если те кажутся «говорящими на совершенно другом языке», чем его теоретические построения. И, наконец, он должен знать, что каждый его шаг в экспериментальной области связан с развитием *теории*, с разработкой ее в направлении предельной логической последовательности, наибольшей широты и глубины.

Через лежащую между мнимой абстрактной теорией и заземленной реальностью экспериментального процесса «пропасть» (которая отражается в упомянутом выше двойственном статусе самой этой реальности) исследователь должен путем длительного и интенсивного напряжения перебросить связующий мост. Он должен суметь придать своей теории форму, ведущую к решению спорных вопросов, разделяющих ее с противоположными теориями, должен конкретизировать эти вопросы так, чтобы из правильности одной или другой теории вытекал прогноз, какую форму примет протекание тех или иных процессов. Исследователь должен от теоретически установленных таким образом *типов* процессов перейти к определенным конкретным случаям, к примерам, которые не просто выдуманы, но могут быть действительно воспроизведены. Эти живые примеры, хотя они всегда обладают богатством свойств, не требуемых самой теорией, должны сохранять однозначное отношение к существенным с точки зрения теории

фактам. И, наконец, несмотря на все существенные и технические трудности (частично внешнего характера), исследователь должен действительно установить эти факты без нарушений или каких-либо искажений того, что в них теоретически существенно.

При постановке эксперимента необходимо *заранее* продумать все физически необходимое для технического обеспечения, — например, как прикрепить пленку, откуда протянуть провод, куда поставить киноаппарат в зависимости от освещения и преломляющей способности линзы, — короче, всю совокупность необходимых для постановки опыта приспособлений. Однако всю эту техническую сторону нельзя отделить от психологических условий опыта, по той простой причине, что для испытуемого они нераздельны. «Технические» приспособления в окружающей испытуемого ситуации часто психологически так же важны для него, как и «стимулы», считающиеся «условиями опыта», — что нередко забывалось в прежней психологии.

«Мост» между теоретическими абстракциями и конкретной действительностью единичного экспериментального случая не может быть выстроен путем прямолинейной логической операции. Речь идет не о цепи умозаключений, которая должна быть построена правильно, в соответствии с собственными внутренними закономерностями. Скорее, работу начинают с обеих сторон пропасти, зачастую одновременно во многих не связанных между собой местах, урывками, укладывая камень то здесь, то там. Временами будут предприниматься попытки продвинуть в направлении к конкретике значительный кусок теории, несмотря на ту опасность, что «свод моста» еще не достроен, и что выстроенный кусок, зависнув, будет удерживаться с большим трудом. Некоторое время можно, конечно, идти и от экспериментальных фактов. Но в конечном итоге все определяется тем, чтобы и в процессе экспериментирования непрерывно сохранять эту теоретическую устремленность и направленность на продвижение вперед в теории, чтобы исключать обстоятельства, замутняющие теоретическую чистоту экспериментального решения, и использовать любой факт, который может обосновать или опровергнуть теорию и способствовать ее дальнейшему развитию за ее нынешние пределы. Решающее значение для плодотворности и значимости исследования имеет ширина той «пропасти», которую мы преодолеваем. Эксперимент и теория — это два полюса *одного* динамического целого.

Поэтому сами теоретические построения исследователя-экспериментатора должны иметь под собой твердую почву и быть инстинктивно верными. То, к чему он приступает в своем конкретном исследовании, должно быть определено с обеих сторон — не только из-за опасности того, что экспериментальные возможности окажутся не в состоянии следовать за взлетами мысли, и что материя, вероломная и упрямая, вялая и неуловимо текучая, будет сопротивляться научному проникновению в нее и ее оформлению, но прежде всего потому, что указание на конкретную реальность выступает в конечном итоге надежным пробным камнем для проверки внутренней истинности и глубины самой теории.

В динамическом напряжении между стремлением к широким теоретическим построениям и желанием охватить конкретные явления во всей их значительности и ничтожности, напряжении, которое налицо как при экспериментировании, так и при теоретизировании, я усматриваю основной феномен научной жизни, по меньшей мере основной феномен экспериментальных исследований.

Недостатки и трудности экспериментирования поэтому — не изолированная проблема, которую можно в конечном итоге решить путем лишь технических усовершенствований. Напротив, они, особенно в молодых науках, почти всегда являются показателем того, что сама теория неправильна, или — что еще хуже для исследования — что она недостаточно конкретна, жизненна, широка, одним словом, недостаточно зрела, что к ней не относятся достаточно серьезно. К этому нередко прибавляется еще и то обстоятельство — и психология воли и аффектов в этом отношении хороший пример, — что определенные весьма общие философские, теоретико-познавательные или науковедческие воззрения, берущиеся более или менее осознанно в качестве

методологических основ, являются ложными, или же, наоборот, в конкретном исследовании им не следуют с должной последовательностью. Ввиду всего этого, прежде чем перейти к изложению специальных вопросов, следует коротко остановиться на некоторых общих основах и некоторых теоретических вопросах общего характера.

1. Закономерность психического

Предпосылкой научной психологии, по крайней мере экспериментальной, является тезис о закономерности психического.

Тезис о строгой закономерности явлений в какой-либо области знания обычно складывается в любой науке постепенно в ходе определенных типичных для всех наук этапов развития¹. Так же обстоит дело и в психологии. При этом не имеет решающего значения то, насколько энергично этот тезис удастся отстоять против, например, философских возражений. Гораздо важнее, что даже там, где психолог-исследователь в принципе исходит из этого положения, фактический предмет его научного изучения не желает ему следовать.

Тезис о закономерности можно ограничить количественно и качественно. Его можно признать, например, в отношении чувственных восприятий и памяти, но отвергнуть применительно к более «высоким» уровням психической жизни, чувствам и воле или, по меньшей мере, важным жизненным решениям. Или же закон сводят к простому правилу, которое лишается силы при малейших отклонениях от заданных условий, например при головной боли. Методически такая установка имела далеко идущие последствия и приводила, например, к тому, что даже в рамках экспериментального метода в узком смысле слова чисто статистическое мышление начинало играть непропорционально большую роль.

В противовес этому, важно внедрить в сам процесс исследования положение об абсолютно строгих и *не допускающих никаких исключений психических законах*. Вначале может показаться неважным для исследования, насколько строго следует придерживаться этого положения, представляющего собою только «предпосылку» экспериментального исследования. Ведь оно не может быть доказано в том смысле, в каком доказываются отдельные психологические утверждения. Но серьезное отношение к тезису о закономерности психического побуждает и к серьезному обращению к теориям, не воздвигающим непроходимой границы между нормальной и аномальной психической жизнью и не знающим исключений, которые всегда выручают тех, кто не стремится к особой научной строгости. То, что признается психологическим законом, должно действовать решительно везде и всегда со всеми вытекающими из этого последствиями.

Тезис о закономерности психического требует, чтобы обсуждались не только самые грубые свойства, но и *тонкие нюансы* и особенности частного случая, которые менее строго мыслящий наблюдатель склонен в области чувств приписывать «случайности» или вообще игнорировать. Однако это не значит, что можно выдвигать на передний план какие-либо специфические свойства и феномены (например, изменения сердечной и дыхательной деятельности при эмоциональных процессах), изолировав их от процесса в целом. Напротив, необходимо, исходя из более широкой целостности, всегда оценивать единичные моменты именно как частные особенности этой целостности.

То же самое имеет отношение и к вопросу о *количественном*. Формулирование в понятиях законов общего характера предполагает учет *всей полноты действительности* во всех областях исследования, в том числе количественных или интенсивностных отношений. Нельзя упускать эти стороны действительности, иначе можно придти к пустым и бесплотным схемам. Это верно также для области «высшей» духовной деятельности, где количество и качество тесно связаны между собою. При этом не следует предоставлять все слепой магии чисел и забывать, что качественное исследование в известном смысле должно всегда предшествовать количественному, и что его приоритет в области психологии воли и аффектов нужно будет энергично отстаивать на протяжении еще долгого времени.

---

¹ Lewin K. Idee und Aufgabe der vergleichenden Wissenschaftslehre. Erlangen, 1926.

Тезис о закономерности требует учитывать возможность и отрицательных примеров во всех областях психической жизни, побуждает учитывать весь спектр психических феноменов и подчеркивает важность готовности к самокритике для психологии воли и эмоций.

С другой стороны, строгое следование тезису о закономерности психического благодаря позиции, в которую он, как мы сейчас увидим, помещает эксперимент, создает методическую основу для расширения диапазона исследований.

2. Эксперимент

Установка на простую регулярность, то есть на нечто фиксируемое статистически, могла бы иметь существенное значение в том случае, если бы главным признаком эксперимента считалась его *повторяемость*. Но при таком условии экспериментальное исследование процессов неизбежно оказалось бы очень ограниченным по своим возможностям, было бы неприменимо именно там, где (как в области аффектов) первый опыт обязательно влечет за собою существенное изменение основы для второго опыта.

Эти ограничения отпадают, если принимается тезис о строгой закономерности психического. *Единичный индивидуальный случай* принципиально достаточен для опровержения или доказательства какого-либо положения, если только в нем достаточно точно воссоздается вся совокупность условий соответствующего явления². Повторяемость превращается из необходимого условия опыта в простое техническое удобство. На смену повторению одного и того же приходит анализ посредством варьирования, сравнение планомерно вызванных различий.

Совершенно новое значение приобретает также и требование *близости к жизни*, неосуществимость которого выдвигается в качестве возражения против психологических экспериментов в исследованиях воли и аффектов. Это требование следует, конечно, приветствовать, поскольку оно настаивает на необходимости обстоятельного рассмотрения жизненно важных процессов и центральных слоев душевной жизни, что смыкается с тезисом о строгой психической закономерности.

Однако следует избегать двух ошибочных трактовок требования близости к жизни. Если, например, возможность экспериментальной психологии воли опровергают тем, что экспериментально невозможно воспроизвести критические волевые решения, так как для этого необходимо обладать возможностью по существу вмешиваться в семейную и профессиональную жизнь человека, то это похоже на возражение против экспериментального исследования электрических явлений, так как невозможно воспроизвести настоящую грозу, а слабые лабораторные явления не могут заменить ее. Такая точка зрения совершенно искажает сам смысл эксперимента, центральная задача которого состоит вовсе не в том, чтобы вновь воссоздать мир, данный в естественных условиях (да и какую познавательную ценность могло бы это иметь?)

Но на каком количественном уровне изучаемого явления целесообразно производить экспериментальный анализ? Решение этого вопроса зависит от конкретного случая, причем изменение количественного уровня лишь до некоторой степени видоизменяет закономерности процесса. Главное, чтобы изучались действительно релевантные процессы.

Это отнюдь не означает непонимания или умаления того положения, что, прежде всего в царстве живого, согласно выражению Гегеля, количество легко переходит в качество. Нужно только остерегаться, чтобы не спутать простые *ступени интенсивности* с различными по глубине слоями душевной жизни, и тогда убеждение, что нельзя исследовать центральные слои психического, чем дальше, тем больше будет обнаруживать свою ошибочность.

---

² Cassirer E. Substanz und Funktionsbegriff. Berlin, 1910.

Можно сослаться на следующий характерный в этом отношении факт: не так давно (всего только в 1889 году) Г.Мюнстенберг³ полагал, что наблюдения над изменением привычек не могут быть получены в лабораторном эксперименте, а только в повседневной жизни.

Наконец, ориентация на особенно интенсивное или необычное искажает центральные задачи психологического исследования. Наиболее ценны и, вместе с этим, наиболее сложны для научного исследования не *чрезвычайные* явления, а именно *повседневные*. Так же как в физике и экономике, именно здесь в психологии лежат наиболее существенные и сложные проблемы, из которых вытекают и закономерности наиболее заметных, необыкновенных и уникальных явлений. Ведь чрезмерное подчеркивание чрезвычайного в психологии, как и в некоторых других науках, устанавливающих общие законы, есть лишь пережиток уже пройденной фазы развития, в которой преобладал интерес к собиранию редкостей, а не к систематическому исследованию.

3. Психология элементов и гештальты психических явлений

Долго господствовавший в психологических дискуссиях (в соответствии с уровнем развития психологии и преобладавшим духом времени) вопрос об элементах, из которых складывается психическое, можно рассматривать теперь, по крайней мере в принципе, как уже решенный в области восприятия и интеллектуальных процессов. Но для психологии воли и аффектов вопрос об элементах до самого последнего времени все еще продолжал иметь главенствующее значение.

Если мы откажемся от ошибочного понимания «высших» психических процессов как «самых сложных», обладающих самой прочной связью элементов (эта ошибка может лишить исследователя решимости взяться за разработку высших процессов и убедить его в том, что такая разработка в научном отношении менее ценна, чем непосредственное исследование психических элементов), то важным будет прежде всего следующее.

Исследование элементов ставит своей целью выяснить, из каких *самостоятельных* элементов складывается психическое (например, каким минимальным количеством эмоциональных элементов можно удовлетвориться для объяснения эмоций, является ли волевой акт самостоятельным, «нередуцируемым» элементом, особого рода переживанием, и т.д.). В работах Аха⁴, а также Мишотта и Прюма⁵, которым мы обязаны решительным прорывом в современных исследованиях по психологии воли, этот вопрос о самостоятельности волевого акта как элементарного переживания и проблема его специфической природы играют в известном смысле определяющую роль.

Другая характерная черта исследования элементов состоит в *изолированном* рассмотрении этих элементов в отрыве друг от друга, во всей мыслимой чистоте и самостоятельности. Конечно, существование связей признают. Однако их трактуют чересчур внешне и понимают части как слагаемые⁶, вместо более адекватного в большинстве случаев рассмотрения частей как самостоятельных элементов более широкой целостности, определяющей судьбу своих «квазичастей».

Такое понимание является основополагающим для всей области психических процессов. Оно, однако, ни в коем случае не означает, что *совокупность* психических процессов образует *одно* замкнутое единство (ср. гл. 5 и 6). Напротив, в каждом отдельном случае надо указывать, имеем ли мы перед собой единое целое в смысле одного

---

³ Beitr. z. exp. Psychol. 1, 4. S. 69.

⁴ Ach N. Ober die Willenstatigkeit und das Denken. Gottingen, 1905; *Idem.* Uber den Willensakt und das Temperament. Leipzig, 1910.

⁵ Michotte A., Priim E. Etude experimentale sur le choix volontaire et ses antecedants immediats // Archives de psychologie. 1910. 10. P. 119-299.

⁶ Wertheimer M. Uber Gestalttheorie. Erlangen, 1925; *Idem.* Untersuchungen zur Lehre von der Gestalt. Bd. 1 und 2//Psychologische Forschung. 1922. 1.S. 47-58 (Bd 1); 1923. 4. S. 301-350 (Bd. 2).

гештальта или же нет, и идет ли речь о «сильном» или «слабом» гештальте⁷. Но такое понимание вообще требует отказа от микроскопической ориентации, типичной для психологии элементов.

Уже наметился решительный поворот в сторону *макроскопического* исследования в различных направлениях. Если мы возьмем в качестве примера какое-нибудь «действие», например письмо, то уже сам *моторный процесс* как таковой будет обнаруживать свойства гештальта в структуре проведения линий, в общих особенностях почерка и в ритме течения всего процесса⁸. Уже для моторного процесса такого рода как, например, деление отрезка пополам, удар молотком по определенной точке или бросание мяча в цель, часто необходимо учитывать в качестве решающего момента структуру всего *внешнего поля*, или по крайней мере его относительно больших участков, — обстоятельство, которое, например, в психотехнике нередко оставляют без внимания. (При делении отрезка пополам необходимо обратить внимание на то, есть ли на этом же листе бумаги еще и другие отрезки, как они расположены по отношению друг к другу и к краям листа и т.п.)

Не менее важным, чем это «внешнее», является *внутреннее поле* или, как мы могли бы сказать обобщая, структура целостного *психологического поля*. Например, процесс письма (даже если оставить в стороне чисто моторную сторону) с психологической точки зрения различен в зависимости от того, идет ли речь о каллиграфическом переписывании предложения или же о каком-либо сообщении в форме письма. Только в первом случае намерение действия направлено на самый акт письма. В случае же создания сообщения в форме письма «писания» как такового нет, движения пишущей руки, подобно движениям рта при разговоре, имеют здесь, как правило, чисто вспомогательный характер. Они включены в совершенно другого рода процесс, например в обсуждение и выбор аргументов, или в отыскание подходящей формулировки. Моторные компоненты в этом случае представляют собой совершенно *несамостоятельные моменты*. Удельный вес этого момента в общем процессе различен, в зависимости от того, идет ли речь о составлении какого-либо официального заявления, делового сообщения, или же о любовном письме, является ли содержание письма бесцельной «болтовней», или же пишущий — человек, которому нужно изложить нечто конкретное. Решающим является то обстоятельство, что включение этого действия в более широкую целостность человеческой деятельности делает бессмысленными попытки понять данный процесс писания сам по себе как изолированный процесс. Это — *несамостоятельный момент* целостного процесса, который может быть объяснен только исходя из целого. К тому же процесс писания часто становится по сути лишь «выражением» какого-либо конкретного психического процесса, навязывающего ему свою структуру.

Отсюда ясно, что попытки психотехников свести все виды деятельности к четко установленному числу элементарных движений абсолютно ошибочны.

Эти психические процессы являются сами по себе еще и *протяженными во времени целостностями*. В нашем примере — «целостностями действия», обнаруживающими многообразие до сих пор малоизученных *структурных типов*. Они могут иметь характер просто «процессуального» действия или быть направлены на определенную конечную цель; могут кружить вокруг этой цели (как иногда при обдумывании) или идти к цели с различных сторон все новыми путями; могут последовательно приближаться к ней и т.п.

---

⁷ Kohler W. *Physische Gestalten*. Erlangen, 1920. О состоянии и истории этой проблемы см.: Krieger F. *Der Strukturbegriff in der Psychologie* // Bericht über den VIII Kongress für experimentelle Psychologie. Jena, 1924; Kohler W. *Gestaltprobleme und Anfänge einer Gestalttheorie* // Jahresbericht über die gesamte Physiologie. 1922. 3. S. 512.

⁸ См.: Werner. *Studien über Strukturgesetze*. 1. Über das Problem der motorischen Gestaltung // *Zeitschrift für Psychologie*. 1924. 94. S. 265; 2. Werner und Lagercrantz. *Experimentelle psychologische Studien über die Struktur des Wortes* // *Ibidem*. 95. S. 316.

Наконец, такие «целостные действия» часто имеют характерные «вводную* и «заключительную» фазы (например, поставить заключительную точку, вздохнуть, подчеркнуто отложить законченную работу), которые выделяются из общего временного поля в качестве относительно обособленных целостностей.

Мне кажется, что и для процессов восприятия и представления, изучаемых психологией органов чувств, имеет существенное значение включение их в более широкие психические процессы — например, в «общее наблюдение», или в «искание определенной вещи», или же в «грезы наяву»⁹.

Не менее, чем временная расчлененность действия, важна структура действий как целостности процессов, протекающих одновременно друг с другом на различной глубине и с различным удельным весом¹⁰. Здесь следует учитывать и то, что некоторые процессы тесно связаны друг с другом в рамках целого, а другие — нет.

Едва ли нужно особо подчеркивать, что тем самым вся *ситуация* в целом, аналогично окружающему полю в зрительной и акустической области, приобретает чрезвычайно важное и существенно иное значение для постановки опытов.

Стоит, к тому же, рассматривать отдельный опыт не как изолированное образование, идентичное со статической точки зрения с предшествующими и последующими опытами того же рода; наоборот, к нему должно подходить как к *единичному* конкретному процессу в его полной действительности, следовательно, как к явлению в принципе не статистическому. Необходимо обратить внимание на его *конкретное место во временном ряду* опытов¹¹ и отчасти также перейти к организации *экспериментальной сессии как единого целого*¹².

Как уже упоминалось, вместо накопления *однородных* случаев необходимо, в том числе для построения теории, учитывать единичные опыты в их конкретном своеобразии. Каждый такой случай следует изучать не как изолированный факт, а внутри соответствующей целостности события в его полном *психическом окружении*.

Не менее важна, чем включенность в целостное «действие», взаимосвязь с определенными *источниками душевной энергии* и определенными напряжениями. Будучи тесно связано с целостностью «действия», это обстоятельство во многих отношениях является более глубинным и, в силу этого, часто остается незамеченным.

Допустим, испытуемый повторял какое-либо определенное действие, например, переписывал одно и то же слово до пресыщения; однако можно легко сделать так, что он сейчас же начнет выполнять это действие без всякого отвращения, если только включить его в другую целостность. Например, попросить испытуемого написать надоевшее ему слово в качестве пометки для экспериментатора на обратной стороне листа¹³.

Подобные случаи играют чрезвычайно важную роль в педагогике, когда, например, надо побудить маленького ребенка к определенным действиям, выполнять которые он не любит (есть, выпить лекарство и т.п.) или возбудить его интерес к одним вещам и удержать от других.

При этом важно не только то, насколько сильно «действие» изменяется как процесс с точки зрения структуры его протекания вследствие включения его в иной контекст — мы не можем здесь останавливаться на этом более подробно, — но и то, что без заметного изменения процесса существенно изменится само значение действия, как только оно

---

⁹ *Allesh*. Die aesthetische Erscheinungsweise der Farben // Psychologische Forschung. 1924. 6. P. 1f und 215ff; *Lewin K.* Über die Umkehrung der Raumlage auf dem Kopfe stehender Worte und Figuren in der Wahrnehmung // Psychologische Forschung. 1923. 4. 258 f.

¹⁰ См.: *Westphal*. Über Haupt- und Nebenaufgaben bei Reaktionsversuchen // Archiv für die gesamte Psychologie. 1911. 21. 419f.

¹¹ *Lewin K.* Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Assoziation. 1.(Methode der Zeitreihe) // Psychologische Forschung. 1922. 1. S. 236; *Lindworsky J.* Der Wille. 3 Auflage. Leipzig, 1923.

¹² Например, при исследовании в области психологии воли. Ср.: *Lewin K.* Eine experimentelle Methode zur Erzeugung von Affekten // Bericht über den VII Kongress für experimentelle Psychologie. Jena, 1922. S. 146.

¹³ Пример взят из еще не опубликованной работы А.Карстен о психическом насыщении. <См. наст. изд. С. 496-533>

начнет течь из *другого душевного источника*. Пресыщение от написания одного и того же слова исчезает, как только источником этого действия станет не намерение выполнить выслушанную перед этим экспериментальную инструкцию, а личная любезность испытуемого по отношению к экспериментатору. Аналогично этому, для некоторых детей в определенном возрасте достаточно бывает простого запрещения действия, которое ребенок не хотел выполнять, чтобы побудить его к совершению этого действия¹⁴. По сути, это может основываться на том, что таким способом устанавливается связь с определенными энергиями, относящимися, по всей видимости, к так называемому самосознанию ребенка. В целом, существенное значение для экспериментального исследования имеет то, чувствует ли себя испытуемый во время исследования как «подопытное лицо» (в основе его действий лежат исключительно воля экспериментатора и намерение действовать в соответствии с инструкцией), или же он относится ко всему происходящему во время опыта обычным, естественным для него образом, как «частное Я».

Прежде чем, однако, перейти к вопросу об источниках и резервуарах энергии психических процессов, я хотел бы обсудить некоторые связанные с этим важные проблемы и типы понятий.

3 а. Операциональные понятия (Leistungsbegriffe)

Существенным препятствием к тому, чтобы видеть и находить имеющиеся конкретные взаимосвязи в рамках целого (поскольку речь идет не о включении в какую-либо возможную связь, а об установлении того, действительно ли в данном случае имеются связи по типу гештальта или нет, и в чем именно они заключаются), выступает использование *операциональных понятий*.

Распространенные описания психического преимущественно пользуются операциональными понятиями (печатание на машинке, писание стихов, принесение клятвы, выражение любви, строгание, еда, разговор, задавание вопросов). Такое формулирование понятий, в том числе применительно к сфере духовного, отталкивающееся от классификации человеческих дел и занятий, вполне допустимо в целом ряде наук, например, в юриспруденции, экономике, теории познания и т.п. Однако в биологической психологии с ним необходимо активно бороться¹⁵ по многим причинам, из которых в нашем контексте стоит указать лишь на следующие. (См. далее раздел 3 б о кондиционально-генетическом образовании понятий.)

Возьмем в качестве примера процесс упражнения — допустим, освоение работы на пишущей машинке. Вначале кривые научения поднимаются вверх довольно круто, чтобы затем приблизиться к горизонтальному плато. Это плато через некоторое время более или менее скачкообразно переходит в более высоко лежащее плато и т.д. Понятие упражнения охватывает все эти процессы как единое действие, а именно «печатание на машинке».

На самом же деле работа опытной машинистки не есть процесс, аналогичный работе начинающей машинистки и отличающийся только большими навыками; психологически это процесс совершенно другого рода. Работа начинающей машинистки по сути представляет собою поиск отдельных букв. В этом процессе поиска и ориентации в клавиатуре можно упражняться. Можно достичь навыка в отыскивании букв. Но было бы совершенно неверно характеризовать работу опытной машинистки как упрочившийся навык отыскивания букв. Конечно, и она должна ударять по клавишам. Но даже если бы из этого захотели теоретически вывести то, что и тут должен иметь место какой-то процесс поиска букв (в действительности опытная машинистка так хорошо знает свою

¹⁴ *Biühler Ch.* Das Seelenleben des Jugendlichen. Jena, 1922.

¹⁵ См.: *Lindworsky J.* Der Wille. Leipzig, 1923; *Lewin K.* Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Assoziation // Psychologische Forschung. 1922. 2. 82 f.; *Peters W.* Begabungsprobleme // Zeitschrift für pädagogische Psychologie. S. 15; *Blumenfeld W.* Das Suchen von Zahlen im begrenzten Felde und das Problem der Abstraktion // Zeitschrift für Angewandte Psychologie. 1925. 26. S. 99.

машинку, что ей не нужно искать буквы), то этот процесс стал бы совершенно несамостоятельным моментом в общем процессе деятельности, структура которой определяется теперь совершенно другими факторами, которые здесь не место подробно обсуждать. Этот целостный процесс нельзя описать через поиск букв, так же как работу начинающей машинистки — через поднятие пальцев¹⁶.

Эта разнородность выделения типов на основании «видов операций» и «психически реальных» процессов имеет решающее значение не только для понятия упражнения, которое следовало бы подвергнуть коренному пересмотру, и не только для теории образования навыков¹⁷. Расхождения во всех обсуждаемых областях психического таковы, что необходимо в принципе *отказаться рассматривать процессы, определяемые только с точки зрения выполняемой «работы», в рамках одной и той же психической закономерности.*

Определенные подходы, подкрепляющие эту точку зрения, имеются и в прикладной психологии, хотя в целом там закрепились привычка использовать операциональные понятия в чистом виде.

Вместо того, чтобы говорить об известном, определенном с точки зрения выполняемой работы «типе действия», необходимо исходить из *конкретного индивидуального случая*, подведение которого под определенный тип или под общую закономерность должно производиться в соответствии с видом и структурой реально протекающего процесса¹⁸.

Опасность использования операциональных понятий не следует считать преувеличенной. Даже тот, кто полностью осознает ее, вынужден при планировании почти каждого опыта снова и снова с большим трудом освободиться от тех ложных обобщений и превратных пониманий, которые влекут за собой операциональные понятия.

3 б. Феноменологическое построение понятий о внешнем и внутреннем поведении и кондиционально-генетическое построение понятий

Доминирование вопроса о психических элементах непрямым путем привело в конце концов к преувеличенному подчеркиванию известных *феноменологических* вопросов, которые сами по себе несомненно важны, но не должны закрывать от нас лежащие глубже *каузально-динамические* проблемы или толкать нас на ложный путь.

Фиксация на вопросе о самостоятельных, далее не сводимых ни к чему элементарных переживаниях повлекла за собой, например в области психологии воли, то, что переживаниям, которые считаются наиболее чистыми, наиболее ярко выраженными примерами данного типа (в нашем примере — «первичному волевому акту»), стали приписывать особое значение и в каузально-динамическом отношении.

В противовес этому необходимо указать на некоторые принципиальные факты, выходящие за пределы психологии воли и даже психологии вообще: 1) нельзя забывать, что различные феноменологически чистые типы всегда связаны между собою *промежуточными типами*. Прежде всего, однако, 2) *нельзя* ожидать, что феноменологически однородные объекты или процессы будут также *равноценны каузально-динамически*, то есть по их причинам и следствиям. Наоборот, физика, а в последнее время и биология, показали, что феноменологическая однородность может

---

¹⁶ Ср. *Blumenfeld W. Op. cit.*

¹⁷ В области интеллектуальных процессов см.: *Kohler W. Intelligenzprüfungen an Anthropoiden 1 // Abhandlungen der königlich-preußischen Akademie der Wissenschaften. 1917. S. 210 ff.*

¹⁸ См. в этой связи понятие «исполнительная деятельность» и значение целостности действия при ошибках навыка: *Lewin K. Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Assoziation // Psychologische Forschung. 1922. 2. 82 f.*

сочетаться с каузально-динамической неравнозначностью, и наоборот, яркое фенотипическое различие — с близким родством в каузально-динамическом отношении.

Старая ботаника, например, объединяла растения в определенные группы по форме листьев, цветов и т.п. соответственно их фенотипическому сходству. Однако оказалось, что одно и то же растение может выглядеть совершенно различно в зависимости от того, растет ли оно на равнине или на возвышенности. Частые резкие различия во внешнем виде *генотипически* идентичных живых существ, зависящие от пола, стадии развития и особых условий среды, под влиянием которой они находятся или находились, побудили современную биологию во всех ее разветвлениях к интенсивной разработке (наряду с феноменологическим построением понятий) еще и новых понятий, которые можно назвать *кондиционально-генетическими*¹⁹. Отдельная особь определяется не по ее внешнему виду в данный момент, но по своей сущности, как совокупность возможных способов поведения. Она характеризуется как круг возможностей, притом так, что *определенный* фенотип устанавливается только вместе с указанием определенного комплекса условий для проявления этих возможностей, или, как можно еще выразиться, с указанием *определенной ситуации*.

К такому типу формирования понятий привели не только проблемы развития. Их предпосылкой, в конечном счете, послужили исследования проблемы причинности и всякого рода *реальных* взаимосвязей, причем не только в биологии, но в физике и в математике²⁰, и, кроме того, в истории и экономике.

Это положение не менее важно и для психологии. В вопросах возникновения и уничтожения, причин, условий и всякого рода других реальных взаимосвязей и зависимостей обнаружилась недостаточность определения психических комплексов и процессов путем указания их феноменальных особенностей. И здесь также имеют место случаи тесного феноменального сходства образований, которые могли вырасти на совершенно различной почве и на основании совершенно различных закономерностей.

Так, интенсивные *акты намерения* каузально-динамически могут иметь гораздо меньший вес, чем слабо переживаемые намерения, или даже чем переживания, которые феноменологически скорее можно рассматривать как «простую мысль», а не как акт намерения²¹.

То же полностью относится и к *чувствам* и аффектам. Например, чувство удовольствия от чего-либо приятного и радостное настроение при всем их феноменологическом сходстве динамически могут восходить к совершенно разнородным процессам.

Аффект может быть источником бурного внешнего действия, переживающая его личность может казаться очень возбужденной, и все-таки на деле здесь может иметь место очень поверхностный и бедный энергией аффект. Наоборот, внешне и внутренне можно быть относительно спокойным, между тем лежащие за этим поверхностным спокойствием аффективные напряжения могут быть гораздо глубже и сильнее.

Точно так же и *способы поведения*, кажущиеся для внешнего наблюдателя феноменологически очень близкими, родственными (например, два действия, кажущихся одинаково спокойными и целесообразными), динамически могут означать совершенно различное: в одном случае действительно имеет место спокойная деятельность в рамках повседневной профессиональной работы; в другом же — внешне сдержанный, но внутренне глубокий аффективный взрыв (тот факт, что какие-нибудь незначительные внешние показатели дадут возможность, по крайней мере опытному наблюдателю, разгадать их подоплеку, нисколько не меняет существа дела; к тому же даже очень хорошему наблюдателю это не всегда удается). Самонаблюдение в этом случае обычно

---

¹⁹ *lewin K.* Der Begriff der Genese in Physik, Biologie und Entwicklungsgeschichte. Berlin, 1922. S. 226.

²⁰ *Cassirer E.* Substanz und Funktionsbegriff. Berlin, 1910.

²¹ *Michotte A., Priim E.* Etude experimentale sur le choix volontaire et ses antecedents immediats // Archives de psychologie. 1910. 10. P. 119-299.

ведет несколько дальше. Но, в конечном счете, и для структуры процесса, устанавливаемой на основании переживания, сохраняет значение то, что распределение по родственным группам на основании феноменологических свойств не обязательно совпадает с распределением по динамически родственным типам или по аналогичным каузально-генетическим связям.

Итак, в вопросах причинности, развития, короче — в вопросах реальных взаимосвязей, вообще нельзя руководствоваться изолированными феноменальными фактами, в частности тогда, когда речь идет о «чистых типах». Скорее, следует в решении этих вопросов пытаться идти вперед путем формирования по существу *кондиционально-генетических понятий*. Это ни в коем случае не исключает тщательного наблюдения и точного исследования феноменологических фактов, наоборот, в известном смысле предполагает их. (О связи между этими двумя типами понятий смотри исследование Коффки об «описательных» и «функциональных» понятиях²².)

Никоим образом нельзя возразить против возможно более широкого изучения феноменов внешнего поведения и переживаний или против использования самонаблюдения (например, в смысле «систематического экспериментального самонаблюдения» Н.Аха²³), которое является важным, обычно даже неизбежным вспомогательным средством именно при исследованиях в психологии воли и аффектов. Хотя наблюдение за внешним поведением и может дать ценные отправные пункты для обоснования того или иного структурирования исследуемого процесса, но к решающим выводам о действительно протекающих процессах и их структуре зачастую в состоянии привести только самонаблюдение.

Подчеркивание психологически реальных взаимосвязей не означает, следовательно, ограничения исключительно внешним наблюдением за процессами (что, в частности, ставит своей задачей бихевиоризм). Напротив, с нашей точки зрения, «внешние» и «внутренние» конкретные процессы и виды поведения, как они даны в описаниях, сделанных на основе самонаблюдения переживаний и наблюдения со стороны, по существу одинаково относятся к чисто феноменологически образованным понятиям. Необходимо перейти к кондиционально-генетическому образованию понятий применительно как к переживаниям, так и к «внешнему» поведению.

4. О причинах душевных явлений

До настоящего времени экспериментальная психология, ставя вопрос о причинах психических явлений, обращалась почти исключительно лишь к *одному* совершенно определенному *типу отношений*. Это — реальная взаимосвязь, которую можно назвать *сцеплением* друг с другом каких-либо психических образований, совокупностей объектов или процессов. Причиной психического явления считается то, что те или иные образования сцеплены между собою, либо целостная психическая совокупность внутренне сцеплена таким образом.

Наиболее яркий случай такого типа соединения демонстрирует *ассоциация* между двумя психическими представлениями в смысле старой ассоциативной теории. Образования *a* и *b* благодаря имевшейся ранее смежности между ними связываются друг с другом. И это связывание считается *причиной* того, что появление переживания *a* приводит к появлению переживания *b*.

Но даже если не считать причиной соединения прошлый опыт, а предположить наличие силы наподобие *детерминирующей тенденции*²⁴ (которая не подчиняется законам ассоциации) или какой-либо естественной связи²⁵, то все же строго сохраняется основной принцип: *стимул сцеплен с определенными реакциями*. И это сцепление рассматривается как причина течения психических процессов.

Эти сцепления понимаются в психологии преимущественно как *механические жесткие связи*, наподобие ассоциации между конкретным стимулом и определенной

²² Koffka K. Psychologie // Die Philosophie in ihren Einzelgebieten / Hrsg. von M. Dessoir. Berlin, 1925. S. 539; Bühler Ch. Die Instinkte des Menschen // Bericht über den IX Kongress für experimentelle Psychologie. Jena, 1925.

²³ Ach N. Über den Willensakt und das Temperament. Leipzig, 1910.

²⁴ Ach N. Über den Willensakt und das Temperament. Leipzig, 1910.

²⁵ Müller G. Komplextheorie und Gestalttheorie. Göttingen, 1923.

реакцией. В противовес этому в психологию в последнее время начинает проникать мысль о том, что дело не в жесткой связи отдельных частей или элементов, а, как правило, в протяженных во времени целостных структурах типа мелодии, отдельные моменты или фазы которых могут быть объяснены только исходя из целого. К сожалению, в последнее время, вследствие неправильного понимания основных положений гештальттеории, психологи становятся иногда на следующую точку зрения: причина процесса *B* заключена не в его жестком сцеплении с предшествующим самостоятельным процессом *a*. Скорее *a*, будучи несамостоятельным моментом более широкого целого, актуализирует именно это целое. «Причиной» течения процесса считается не цепь сцеплений звено за звеном, а именно эта связь частей внутри целого²⁶.

Экспериментальные исследования привычки (ассоциации) показали, что образованные путем привычек сцепления сами по себе не могут быть двигателями психического процесса²⁷. Такое понимание ошибочно даже тогда, когда сущность процесса привыкания и упражнения видят не в образовании последовательных ассоциаций, а в преобразовании и создании целостностей действия. Скорее, именно определенные психические *энергии*, обусловленные, как правило, давлением воли или потребностей, то есть *напряженные* психические системы, являются необходимой предпосылкой того, чтобы психическое явление вообще имело место — каким бы то ни было образом.

Здесь нет нужды особенно подчеркивать, что это вовсе не значит, что существуют, с одной стороны, психические гештальты, а с другой, наряду с ними, — какие-то психические энергии без определенного места в психике (см. эту и следующую главы).

Иногда привычка, например в случае «инстинктивных привычек», может при возрастании потребности высвободить новые психические энергии; иногда она же может проложить путь к таким энергиям (например, когда у морфиниста или кокаиниста первоначально единичные и случайно возникающие переживания наслаждения «становятся жизненной потребностью»²⁸ и вовлекают в эту болезненную страсть все более широкие и глубокие слои личности).

Если же, наоборот, речь идет о простом «исполнительском навыке»²⁹, то есть только о слиянии в единое целое, построении и преобразовании определенных процессов деятельности, то его в принципе нельзя считать причиной (в точном смысле слова) душевных явлений³⁰.

---

²⁶ Таким образом, причина видится опять-таки не в напряжении динамического целого.

²⁷ Lewin K. Die psychische Tätigkeit bei der Hemmung von Willensvorgängen und das Grundgesetz der Assoziation // Zeitschrift für Psychologie. 1917. 77. S. 212 f. und Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Assoziation // Psychologische Forschung. 1922. I. S. 191; 2. S. 65; Sigmar. Über die Hemmung bei der Realisation eines Willensaktes // Archiv für die gesamte Psychologie. 1925. 52. S. 92.

²⁸ Joel E., Frankel F. Zur Pathologie der Gewohnheit II // Therapie der Gegenwart. 1926. 67. S. 60. А также: Der Kokainismus. Berlin, 1924. См. также McDougall W. An Introduction to Social Psychology. L., 1908. <Рус. пер.: Мак-Дуголль У. Основные проблемы социальной психологии. М.: Космос, 1916.>

²⁹ Lewin K. Die psychische Tätigkeit bei der Hemmung von Willensvorgängen und das Grundgesetz der Assoziation // Zeitschrift für Psychologie. 1917. 77. S. 212 f. und Psychol. Forsch. 1. 191 u. 2, 65. 1922.

³⁰ Мысль о том, что *наряду* с ассоциацией в качестве причин душевных явлений следует признать еще и другие факторы, высказывалась уже давно. Среди экспериментальных работ, далеко продвинувшихся в этом направлении, следует назвать прежде всего работы Аха и Поппельройтера: Ach N. Über die Willensaktivität und das Denken. Göttingen, 1905; Idem. Über den Willensakt und das Temperament. Leipzig, 1910; Poppelreuter W. Über die Ordnung des Vorstellungsablaufs // Archiv für die gesamte Psychologie. 1912. 25. О.Зельц (Selz O. Die Gesetze des geordneten Denkverlaufs. Stuttgart, 1913; Selz O. Zur Psychologie des produktiven Denkens und des Irrtums. Cohen, Bonn, 1922) в частности, показал значение неассоциативных сил — детерминирующих тенденций — прежде всего в области интеллектуальных процессов. Он также отметил, что «и в опытах с памятью ни в коем случае нельзя упускать из внимания имеющиеся детерминации» (1913. S. 285—290). Однако тот же автор в полемике против нападок со стороны ассоциативной психологии (Komplextheorie und Gestalttheorie // Zeitschrift für Psychologie. 1920. 83) заявил (S. 215), что актуализация познавательных комплексов «...может происходить также и без направленной на них детерминации», да и целый ряд других его высказываний, мне кажется, могут быть однозначно поняты в том смысле, что ни в коем случае нельзя

Эти положения, распространяющиеся прежде всего на привычки и ассоциации, можно обобщить для любого рода сцеплений. Ведь *связи никогда не бывают «причинами» процессов, где бы и в какой бы форме они ни существовали*. Но для того, чтобы то, что находится в связи между собой, пришло в движение (это относится и к чисто механическим системам), то есть чтобы возник процесс, должна быть освобождена энергия, способная совершить определенную работу. Следовательно, по отношению к любому душевному явлению необходимо задавать вопрос: откуда взялась питающая этот процесс энергия!

Если сцепления нельзя рассматривать в качестве источника энергии, это вовсе не означает, что никаких сцеплений нет, или что их наличие или отсутствие не имеет никакого значения. Хотя они и не служат источником энергии для процесса, однако в значительной степени определяют его форму. Изменение формы определенных привычных целостностей действий имеет очень важное значение. (Во всяком случае при установлении законов необходимо отказаться от обобщения в едином понятии опыта всех случаев, когда что-то происходило. Вместо этого бессмысленного объединения всего в одну кучу необходимо различать ряд явлений, которые отчасти подчинены совершенно различным законам: обогащение или изменение знания; освоение какого-либо рода работ и упражнение в этом; процесс существенно иной природы, который можно обозначить как фиксацию влечений или потребностей и т.д.)

С этой точки зрения нам становится не чуждым понятие энергии и связанные с ним понятия *силы, напряжения, системы* и близкие им. При этом можно оставить открытым вопрос о том, сводятся ли они в конечном итоге к физическим силам и энергиям, или нет. Во всяком случае, с моей точки зрения все эти понятия являются *общелогическими базовыми понятиями всякой динамики* (хотя в логике им обычно не уделяется должного внимания). Они ни в коем случае не принадлежат одной лишь физике. Например, они обнаруживаются, хотя пока еще разработаны там недостаточно точно, в экономике, из чего вовсе не следует, что экономику можно свести к физике.

Совершенно независимо от вопроса о сводимости психологии к физике, обсуждение каузально-динамических проблем должно побудить психологию отказаться от распространенного неразборчивого применения динамических понятий и перейти к дифференцированному образованию понятий в динамической области. При этом физические аналогии могут часто применяться для пояснений без всякого вреда. С другой стороны, для адекватного понимания, например, сил психологического поля, чтобы избежать очень возможных в этом случае ошибок, необходимо все время помнить, что речь идет о силах в *психологическом* поле, а не в физической среде.

К вопросу о источниках психической энергии необходимо коротко добавить следующее.

Сам *стимул* во многих перцептивных явлениях, например в зрительной области, часто понимается в определенной степени и как, возможно, источник энергии для сенсорных процессов. В области же деятельности и аффектов в собственном смысле слова (например, если, получив депешу, человек отправляется в путь, или вопрос вызывает гнев) физическая интенсивность стимула явно не играет существенной роли. В этом случае можно говорить о «*разрядке*», процессе, понимаемом приблизительно по аналогии с действием искры на пороховую бочку.

Однако этот вывод необходимо существенно видоизменить в двух направлениях.

отрицать значения ассоциации как *одной* из возможных причин душевных явлений. Хотя недавно (Zur Psychologie der Gegenwart // Zeitschrift für Psychologie. 99. S. 166) Зельц сослался на вышеприведенные и подобные им высказывания в доказательство своего приоритета, мне бы хотелось, не входя в обсуждение этого вопроса, заметить: я был бы очень рад, если бы имел право истолковать его новые ссылки на вышеприведенные места в том смысле, что Зельц, во всяком случае в настоящее время, признает экспериментально доказанным основное положение моей работы, а именно, что не просто необходимо признать еще и другие причины психических явлений *наряду* с ассоциацией, но что ассоциация в принципе не служит двигателем душевных процессов.

1. Поскольку необходимо отказаться от понимания перцептивного мира как совокупности элементарных ощущений — ибо восприятие, скорее, сталкивает нас с реальными «вещами» и «событиями», имеющими определенное значение, — то воспринимаемый стимул (например, обезображенное лицо раненого на войне) необходимо оценивать не со стороны физической интенсивности чувственного впечатления, а по его *психологической действительности*. Подобного рода перцептивные переживания могут непосредственно повлечь за собою определенные намерения или пробудить потребности, которых до этого не было. При нынешнем состоянии исследований было бы бесполезно обсуждать, могут ли эти перцептивные переживания (и в какой степени) сами считаться источниками энергии. Во всяком случае, здесь могут произойти перемещения слоев, благодаря чему будет высвобождена энергия. Соответственно, могут возникнуть напряженные психические системы, которых, по крайней мере в этой форме, до сих пор не было. Несмотря на все это, многое говорит за то, что психические процессы черпают свою энергию не из актуального восприятия.

2. Но это отнюдь не означает, что речь идет о функции высвобождения энергии наподобие функции искры при взрыве пороховой бочки или функции предохранительного клапана паровой машины.

a) Рассмотрим пример. Ребенок хочет достать какой-нибудь предмет, допустим, плитку шоколада. При наличии угрозы со стороны острых выступов находящегося перед ним предмета, злой собаки, или какого-либо другого препятствия, направление его деятельности изменится; в самом простом случае ребенок обойдет препятствие и устремится к предмету новой дорогой. Короче говоря, совокупность *сил психологического поля* (включая привлекающий его раздражитель) будет определять направление его деятельности, причем согласно законам, каждый из которых может быть выявлен. Таким образом, речь идет лишь о распространенном и считающемся фундаментальным факте, — о том, что *течением процесса управляют «силы»*.

При этом для психологии так же, как и для физики, важно то обстоятельство, что между величиною воздействующих *сил* и *энергией* процесса нет однозначного соответствия. Наоборот, сравнительно незначительные силы при адекватной структуре общего поля могут управлять относительно большим количеством энергии, а с другой стороны, большие силы и напряжения могут идти рука об руку с незначительными энергиями. Так, относительно ничтожные изменения в виде и направленности этих сил могут надолго направить течение процесса в другое русло (это играет, в частности, очень большую роль в технике отношений социального управления).

Каждый процесс *самим своим осуществлением сразу же изменяет силы во внешнем и внутреннем поле*. Однако это изменение сил, управляющих течением процесса, может быть очень разным при различных процессах, так что в некоторых случаях эти изменения будут несущественны для течения самого процесса, а в других случаях окажут на течение процесса существенное влияние.

Психология чаще всего имеет дело с последним случаем, а именно с процессами, где всякое движение, запущенное восприятием известных предметов, сейчас же изменяет соотношение сил психологического поля, воздействующих на субъекта и управляющих его деятельностью, и может придать течению процесса совершенно другое направление. Например, ребенок, столкнувшийся с препятствием, вынужден отказаться от первоначального направления действия. Таким образом, перцептивное поле может *регулировать* течение процесса³¹.

---

³¹ Kohler W. Gestaltprobleme und Anfänge einer Gestalttheorie // Jahresbericht über die gesamte Psychologie. 1925. 3. S. 537. Конкретный пример в работе глазодвигательной системы см.: Lev/in K., Sakuma K. Die Sehrichtung monokularer und binokularer Objekte bei Bewegung und das Zustandekommen des Tiefeneffektes // Psychologische Forschung. 1925. 6. S. 339.

а) О *непрерывном управлении* течением процесса силами поля речь идет в том случае, если деятельность не является (или является лишь в незначительной степени) автохтонной, то есть если сам процесс движим силами, которые по сравнению с силами поля очень невелики. Если ребенок, вместо того чтобы одним рывком пробиться сквозь неприятную и со всех сторон угрожающую ситуацию, будет лишь медленно двигаться через силовое поле с положительными и отрицательными побудителями (и при этом ему не удастся внутренне отстраняться от своих впечатлений), то управление течением процесса и каждой его отдельной фазой полностью перейдет к силам поля.

б) Однако процесс деятельности, как правило, нельзя рассматривать как такой непрерывный поток; наоборот, обычно он протекает как *последовательность* отдельных *шагов-действий*, представляющих собой *автохтонные целостности*, например: быстрое движение до первого препятствия, раздумье, попытка, рассердившись, дотянуться вытянутой рукой до шоколада, новый отказ от действий, обход препятствия. При такого рода протекании деятельности, имеющей отчетливо целостный характер, — если силы, присущие этой деятельности как автохтонному процессу, велики по отношению к силам поля, — *отсутствует* непрерывное управление каждой в отдельности самостоятельной фазой этого целостного автохтонного действия со стороны сил окружающего поля. Но *регуляция* силами психологического поля имеет место и здесь — но только *в целом*, для всей последовательности целостных действий. Это обстоятельство имеет существенное значение для теории обходных действий.

Управляют ли силы поля процессом непрерывно или по только что описанному типу, зависит, с одной стороны, от прочности гештальта и сил, движущих процессом деятельности, а с другой — от величины сил психологического поля. Изменение любого из этих двух факторов ведет к существенным изменениям в самом течении процесса. Но в любом случае процессы регуляции имеют фундаментальное значение как для импульсивной, так и для контролируемой деятельности.

(Понятие регуляции, впрочем, употребляется и в еще более узком смысле слова — для случаев, когда относительно самостоятельный *процесс* так непрерывно изменяет силы поля, что тем самым управляет другим одновременно протекающим процессом. Пример из физики: радиоусилители.)

б) Предметы, которые, как шоколадка в вышеприведенном примере, составляют цель действия, также следует рассматривать прежде всего как образования, от которых исходит сила, управляющая течением процесса, — так же, как от острых краев, хрупкого предмета, или же от симметричного и асимметричного расположения предметов по обеим сторонам избранного ребенком пути³². Сверх того, исходящая от предмета *управляющая сила может быть еще и причиной актуализации тех потребностей*, из которых, как из резервуара энергии, этот процесс в конечном счете вытекает. (По отношению, например, к острым краям это уже не так.) Если бы ребенок был *пресыщен* сладостями, то весь процесс бы не возник вовсе. Так что шоколад выполняет здесь еще и вторую функцию.

Наличие или отсутствие подобных резервуаров энергии, например, тех или иных потребностей или подобных им напряженных систем в самых разнообразных формах играет все более заметную роль во всех областях психологии воли и влечений. Его существенная роль в том, что интерес или устремленность к цели исчезает вместе с *насыщением* соответствующей психологической потребности; в том, что преднамеренная деятельность после ее реального или замещающего *завершения* не воспроизводится вновь при возникновении нового подобного подходящего случая; в том, что укоренившееся привычное действие не начинается даже в ответ на привычный раздражитель, если к этому действию не побуждают определенные энергии. Этот факт имеет основополагающее значение и для психологии *аффективных* процессов.

Несмотря на ту тесную связь, в которую, согласно вышеизложенной точке зрения (а), вступают перцептивное поле и течение процесса, мы не должны забывать, *что силы, управляющие течением процесса, не оказывают влияния или же вообще не возникают, если отсутствует психическая энергия, отсутствует связь с напряженными психическими системами, которые запускают весь процесс.*

---

³² См.: Hermann-Czinner A. Zur Entwicklungspsychologie des Umgehens mit Gegenständen // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1923. 22. S. 337; Bartelt, Lau. Beobachtungen an Ziegen // Psychologische Forschung. 1924. 5. 340 f; Dextler. Das Gestaltprinzip und die moderne Tierpsychologie // Lotos. 1921.69. S. 143.

Поводы, высвобождающие энергию потребностей, могут, как шоколадка в вышеприведенном примере, одновременно выступать и как силы, определяющие особенности протекания процесса. Именно эта двойная функция чаще всего реализовывалась в психологии. С этой функцией тесно связана группа особенно сильных преобразований поля в результате осуществления действия.

с) Овладение шоколадкой и ее съедение особенно значимо для изменения сил поля, так как овладение шоколадом и наступление *процесса насыщения* влечет за собой не просто изменение состояния силового поля, но вместе с этим и сильное *изменение психических напряжений*, лежащих в основе действия.

Итак, восприятие предмета или события может повлечь за собой следующее:

1. *Возникновение* определенной напряженной психической системы, которая до сих пор — по крайней мере, в этой форме — не существовала: такое переживание непосредственно вызывает намерение или пробуждает потребность, которой до этого момента не было.

2. Уже *существующее состояние напряжения*, коренящееся в намерении, потребности или наполовину выполненной деятельности, *направляется* на определенный предмет или событие, которое переживается, например, как нечто привлекательное, так что именно эта напряженная система получает теперь власть над моторикой. О таких предметах мы будем говорить, что они обладают «*побудительностью*».

3. Подобного рода побудительности предметов одновременно действуют (наряду с некоторыми другими переживаниями) и как силы поля — в том смысле, что они *оказывают регулирующее влияние* на психические процессы, особенно на *моторику*.

4. Определенные занятия, вызванные отчасти побудительностями предметов и событий, приводят к *процессам насыщения*, иными словами, к осуществлению намерения, и тем самым приводят напряжение соответствующей системы к равновесию на более низком уровне.

Здесь не место подробно объяснять, на основе каких конкретно процессов вид шоколада (см. выше пункт *a*) побуждает к совершению действия. Речь здесь может идти, например, о том, что облегчился *доступ к моторике* готовой к работе энергии, уже имеющейся в психической системе и находящейся в этот момент в состоянии напряжения; или же о том, что при виде раздражителя в системе, до сих пор не готовой к работе, производится решительное *переструктурирование*, в результате которого энергия становится свободной; иногда можно даже думать о явлениях типа резонанса и т.д. Однако вряд ли при этом играет большую роль «разрядка» в специфическом механическом смысле этого термина. Против этого свидетельствует то, что стимулы (такие, как восприятие шоколада), как правило, обнаруживают внутреннюю предметную связь с теми или иными конкретными психическими источниками энергии.

Между побудителями, высвобождающими рабочую энергию, и остальными силами поля, управляющими течением процесса, существуют, естественно, всевозможные переходные варианты. Однако это никак не влияет на необходимость всякий раз ставить вопрос об *источниках энергии* соответствующего процесса.

Это относится и к случаям регуляции в узком смысле слова. И здесь также нельзя оставлять без внимания, что необходимые для управления небольшие по величине силы и энергии не тождественны энергиям управляемой системы, и что эффект не будет иметь места, если приток энергии для основного процесса будет отсутствовать (аналогия: прекращение основного тока в радиолампе).

Мы не можем здесь обсуждать, чем с *содержательной* точки зрения является все то, что мы рассматриваем как психические источники энергии. Во всяком случае, важную роль в этом играют потребности и центральные волевые цели. Однако следует обсудить некоторые общие относящиеся сюда вопросы о структуре энергетических систем психики.

5. Психические энергии и структура души

В настоящее время вновь все сильнее начинают подчеркивать единство души. Это является, по-видимому, протестом против «атомистического раздробления» души на отдельные рядоположенные ощущения, чувствования и прочие переживания. Однако вопрос о единстве души сам по себе очень многозначен и, чтобы избежать неправильных пониманий, мы в дальнейшем перечислим целый ряд вопросов, которые могут при этом иметься в виду. Предварительно укажем лишь, что мы хотим обсудить не весь комплекс проблем, связанный с многозначным термином «единство души», а одну определенную проблему, касающуюся психических энергий.

Прежде всего нужно отметить следующее: именно при стремлении поставить в центр внимания проблему целостности, необходимо остерегаться тенденции делать эти целостности возможно более широкоохватными. Для начала необходимо уяснить себе, что конкретное исследование, стремящееся выйти за пределы общих неопределенностей, должно ставить вопрос, из каких единиц складываются имеющиеся целостности и каковы границы системных целостностей, выступающих основополагающими в каждом отдельном случае.

Мы склонны, и, вероятно, обоснованно, считать единство всей душевной сферы, составляющей индивидуальность, чем-то более высоким, чем единство физической природы. Но положение «все зависит от всего», отнюдь не выражающее сколько-нибудь адекватно отношений в физической природе³³, непригодно также и для характеристики душевной целостности, хотя в обоих случаях оно может быть верным в некоторых отношениях.

В один прекрасный день двадцать пять лет тому назад, проснувшись, я обрадовался тому, что сегодня мне не нужно идти в школу, пускал змея и опоздал домой к обеду, переел сладкого, потом играл в саду. Переживания этого дня моей жизни, равно как и последующих дней и недель, при известных обстоятельствах (например, с помощью гипноза) могут быть воспроизведены в памяти и их нельзя считать мертвыми. Без сомнения, вся совокупность переживаний детства играет исключительную роль для всего последующего развития, а следовательно, и для актуального поведения; некоторые же особенно яркие и сильные переживания прошлого могут обладать особой значимостью и для сегодняшних душевных процессов. Следовательно, всякое единичное прошлое повседневное переживание может «каким-нибудь образом» повлиять на нынешнюю душевную жизнь. Но в большинстве случаев это влияние сравнимо с влиянием какого-либо специфического изменения одной из звезд на физические процессы в моей комнате: *важно не то, что влияние есть, а то, что оно чрезвычайно мало, близко к нулю.*

Это отсутствие влияния отнюдь не относится только к переживаниям, отделенным большим временным промежутком. Я смотрю в окно и вижу движение флюгера на дымовой трубе одного из домов. Разумеется, такое переживание *может* при определенных обстоятельствах сильно повлиять на остальную душевную жизнь; но, как правило, тысячи повседневных «мелких переживаний» вовсе не связаны с каждым психическим процессом. Поведение не изменилось бы или изменилось бы «незаметно», если бы очень многие переживания не возникали совсем, или протекали бы иначе.

Тезис «в психике все зависит от всего» неудовлетворителен не только потому, что необходимо отделить важное от неважного. Недостаточно видоизменить его следующим образом: «Пусть не любое, но всякое интенсивное или значительное переживание связано с прочими психическими процессами». Внесение таких, так сказать, количественных корректив в тезис еще не делает его верным.

Связь психических явлений между собой и широта влияния каждого единичного переживания на другие психические процессы зависит не просто от его интенсивности и даже не от его реальной значимости. Отдельные психические переживания, действия и аффекты, намерения, желания и надежды прежде всего *включены в совершенно*

---

³³ См.: Kohler W. Physische Gestalten. Erlangen, 1920.

определенные психические образования (комплексы), сферы личности и целостности процессов. Человек может быть, например, прерван в середине беседы и вызван к телефону по самому ничтожному вопросу, с которым можно покончить в двух словах. В этом случае целостная ситуация может привести к более быстрому окончанию телефонного разговора. Однако отдельные переживания, желания и намерения, которые играли существенную роль в предыдущей беседе (до вызова к телефону) и опять будут иметь существенное значение для продолжения беседы, обычно не оказывают никакого влияния на телефонный разговор, если только не возникнет чрезвычайно сильное возбуждение.

Действуют ли (и как действуют) психические процессы друг на друга, сильно зависит, следовательно, от того, включены ли они в *одни и те же* или в *различные* целостные процессы, и, соответственно, от того, в каком *отношении друг к другу* находятся эти психические комплексы. Так, само по себе слабое переживание может иметь существенное значение для определенных относительно далеко отстоящих от него по времени психологических событий; в то же время значительно более сильные переживания могут не оказать никакого воздействия на более близкие по времени процессы, но принадлежащие к какому-нибудь другому комплексу.

Также и связь, образующаяся в *памяти*, не зависит лишь от интенсивности и временных отношений, но определяется содержательной принадлежностью к одному и тому же целостному процессу³⁴.

Принадлежность к строго определенным душевным комплексам имеет большое значение и для динамически значимых *психических напряжений и энергий*.

Отдельные психологические потребности или напряжения, являющиеся следствием определенных процессов и переживаний, безусловно, часто известным образом связаны между собой. Так, например, может случиться, что аффективные энергии перейдут из одной системы в другую (например, из событий в системе «профессиональной жизни» в систему «семейной жизни») и проявятся в этой последней; или что насыщение какой-то потребности может вызвать одновременное насыщение функционально близких к ней потребностей. Однако эта *коммуникация* между различными напряженными психическими системами может *различаться по своей интенсивности*. Кроме того, общая тенденция к коммуникации между системами, по-видимому, различна по силе в разных психических состояниях и у разных индивидов. Нельзя забывать и о том, что не всякая психическая динамическая система явно сообщается с каждой другой системой; очень часто коммуникации бывают весьма слабыми, практически нулевыми.

Если бы не было этого иногда удивительно далеко заходящего отъединения различных психических комплексов друг от друга, а существовало бы постоянное реальное единство души, при котором можно было бы считать, что все имеющиеся в настоящий момент психические напряжения являются напряжениями в одной однородной и замкнутой системе, то, помимо всего прочего, не была бы возможна никакая *упорядоченная деятельность*. Только предельное отъединение от множества всех одновременно существующих и часто очень сильных психических напряжений и практически исключительное сцепление *моторной сферы* с одной совершенно конкретной областью внутренних переживаний делают упорядоченную деятельность возможной. Это отъединение не производится каждый раз заново для какой-либо определенной деятельности путем временного отключения всех других имеющихся в душе напряжений; психические напряжения возникают заранее в определенных психических структурах или областях, которые уже возникли или возникают сейчас в результате известных динамических процессов, которые мы не будем здесь обсуждать.

---

³⁴ Poppelreuter W. Über die Ordnung des Vorstellungsablaufs // Archive für die gesamte Psychologie. 1912. 25. S. 208—209.

Подведем итоги изложенному в этой главе. Душа часто считается прямо-таки эталоном единства. «Единство сознания», единство личности часто используют как основания и самоочевидные предпосылки далеко идущих интеллектуальных построений, а неделимость индивида именно в психологическом отношении кажется тесно связанной с особой природой и абсолютно неповторимым своеобразием, которые обычно приписываются индивиду.

Однако при ближайшем рассмотрении здесь обнаруживается целый ряд связанных с единством проблем. Вопрос о *единстве сознания* далеко не тождественен вопросу о единстве всей сферы психических образований и процессов, напряженных и ненапряженных психических систем, *тотальность* которых можно было бы назвать *душой*. Далее, по меньшей мере спорно, представляет ли собой то, что называют «Я» или «самость»³⁵, и единство чего важно для многих проблем, только *один* комплекс или одну функциональную частичную область внутри этой психической тотальности.

Но мы не говорим здесь о проблеме единства «Я», речь идет лишь о проблеме динамической однородности души.

Далее, психическая тотальность, которую представляет собой индивид X, в любом случае отлична от тотальности индивида Y или ребенка Z. Это отличие, составляющее *своеобразие* данной личности, ее индивидуальность, должно как-то проявляться в каждом психическом процессе, в каждой части и в каждом проявлении личности как всегда одно и то же конкретное, характерное для этой личности своеобразие. Мы оставляем в стороне и вопрос об этом своеобразии, то есть о том, можно ли и как именно обнаружить подобные характерные черты всех процессов этой личности, и в чем они состоят в данном конкретном случае (основной вопрос Индивидуальной психологии). Свообразие всего, что принадлежит одной и той же психической тотальности, может быть налицо даже тогда, когда эта последняя динамически не представляет собой прочного единства (сильного гештальта), когда каждая из этих тотальностей была бы сопоставима с целым физическим миром, а не обладала бы единством физического организма или даже одной гомогенной замкнутой системы. Здесь рассматривается не вопрос о едином характерном своеобразии процессов, принадлежащих одной и той же душевной тотальности, но лишь вопрос о каузально-динамической однородности души и о наличии относительно обособленных энергетических систем.

В заключение необходимо отметить следующее. Существование относительно отъединенных друг от друга психических энергетических систем не имеет ничего общего с различием отдельных психических «способностей»: памяти, воли, рассудка. Напротив, именно ликвидация четких границ между этими проблемными областями является предпосылкой развиваемого здесь хода мыслей.

Отсюда следует, что в известных сферах, например, внутри моторики, несомненно, существует относительно большое единство. Но как бы высоко мы ни оценивали степень единства душевной тотальности, решающей предпосылкой более глубокого психологического исследования остается мысль о том, что *внутри души* существуют области, связанные между собой в совершенно *различной* степени. Существует не одна-единственная целостная система, но большое число «прочных гештальтов», часть из которых сообщаются между собой и образуют, таким образом, составные части более широкого «слабого гештальта». Другие же психические образования не обнаруживают никакой сколько-нибудь достойной упоминания связи между собой. Понимание души как единого, во всех своих частях равномерно объединенного целого отличается от понимания душевной тотальности как суммарной совокупности переживаний в основном лишь формально, по общему понятию, но не существенным для исследователя образом. В противоположность этому, душу необходимо исследовать в ее *естественной*

---

³⁵ См.: James W. Psychologic. Leipzig, 1909. <Рус. пер.: Джэмс В. Психология. М.: Педагогика, 1986>

структурированности, то есть изучать психические комплексы, слои и сферы; необходимо твердо установить, где есть целостности, а где их нет.

Формирование определенных психических комплексов отчасти связано с оттогенетическим развитием души. Поэтому оно обнаруживает, как и всякое развитие, еще и специфически «исторический» момент.

6. Тенденция равновесия; динамическая прочность границ и относительная отъединенность психических напряженных систем

К подобным же выводам относительно структуры психического в динамическом отношении ведут еще и следующие соображения.

Психические процессы (как биологические процессы вообще и аналогично физическим, экономическим и прочим процессам) с определенных точек зрения часто могут быть выведены из тенденции к *установлению равновесия*. Переход от спокойного состояния к процессу, так же как и изменение постоянного процесса, могут быть объяснены тем, что в определенных точках нарушено равновесие и поэтому возникает процесс, направленный на установление нового состояния равновесия.

Однако для последовательной реализации этой мысли необходимо остановиться на некоторых моментах.

1. Процесс идет в направлении к состоянию равновесия только *системы в целом*. При этом отдельные частичные процессы могут течь в противоположных направлениях³⁶ — это обстоятельство имеет очень большое значение, например, для теории обходных действий. Дело, следовательно, заключается в том, чтобы найти и положить в основу какое-либо определяющее системное целое, и конкретная задача исследования часто состоит именно в отыскании этой «определяющей» системы, ее границ, ее внутренней структуры, из которой на основании приведенного выше общего положения становятся сами собой понятны все конкретные процессы.

2. Далее, равновесие системы не означает, что в ней царит состояние, свободное от всякого напряжения. Напротив, система часто *достигает равновесия, находясь в напряженном состоянии* (например, сжатая пружина или сосуд, заполненный сжатым газом). Возникновение подобной системы предполагает, однако, известную *прочность границ* системы и фактическую *выключенность* ее из окружающего поля (и то и другое следует понимать не в пространственном, а в функциональном смысле).

Если между различными частями системы нет настолько прочной связи, чтобы она могла оказать сопротивление силам, направленным на ее изменение (то есть система не обнаруживает в самой себе достаточной «внутренней прочности», а является «текучей») или если система отъединена от окружающего поля недостаточно прочными «стенами» и открыта для соседних систем, то она не приходит в состояние стационарного напряжения. Наоборот, возникает процесс, текущий в том же направлении, что и действующие с внешней стороны силы. Вследствие оттока энергии он переходит на соседние области, протекая в направлении установления равновесия на более низком уровне напряжения в более широком целом. Таким образом, предпосылкой сохранения стационарного состояния напряжения является известная *прочность* данной системы, будь то ее «внутренняя» прочность, или же прочность ее «стенок».

Мы употребляем понятие «прочность системы» исключительно в динамически-функциональном смысле, ничего при этом не утверждая о «материале» соответствующей системы. Разумеется, прочные границы системы могут быть образованы также и окружающей ее системой, находящейся в состоянии напряжения. Тогда указанные выше предпосылки будут иметь значение для обеих систем, взятых в качестве единого целого.

---

³⁶ Kohler W. *Physische Gestalten*. Erlangen, 1920.

Возникновение таких *напряженных систем* очень характерно для психической жизни (во всяком случае, после окончания грудного возраста). Разумеется, иногда наблюдается тенденция, направленная на немедленную разрядку напряжений (на достижение состояния равновесия при наименьшем возможном уровне напряжения). Однако часто в силу особенностей общей ситуации немедленное осуществление такого выравнивания (например, исполнение желания) оказывается невозможным, — или потому, что это выравнивание может быть осуществлено лишь очень постепенно (например, в результате длительных усилий), или же потому, что его вообще невозможно осуществить в данный момент. В этом случае вначале возникает стационарная напряженная система, которая, — если речь идет об очень глубоком нарушении равновесия, — может охватить весьма широкие душевные пласты. Так, ребенок, которому отказано в исполнении его важного желания, может броситься на землю и оцепенеть в состоянии напряжения, вызванном отчаянием. Однако как правило (по истечении некоторого времени) возникает *особая* напряженная система. Например, неосуществленное желание или наполовину выполненное действие не парализуют всю моторику и не наполняют напряженностью всю душу, но сохраняются в форме особой напряженной системы, которая может не обнаруживаться в жизненных процессах в течение длительного времени и лишь незначительно влиять на протекание прочих психических процессов. Однако при появлении подходящего случая эта напряженная система может весьма бурно обнаружить свое существование, порождая действия выполнения намерения.

В некоторых напряженных системах постепенное разряжение происходит также и в том случае, если в течение долгого времени не происходит прямое, непосредственное выравнивание напряжения через, к примеру, осуществление желания или окончание прерванного действия. Постепенное снижение напряжения может происходить или путем замещающего осуществления, или, если система изолирована не слишком прочно, путем постепенного выравнивания с внешним полем (способом, похожим на диффузию). Однако очень часто напряжения в таких отдельных системах сохраняются на долгое время или же лишь отчасти ослабевают. Это означает, что и в *сфере психического есть системы относительно весьма прочные и отъединенные*.

У взрослого обычно рядом друг с другом существует большое количество относительно отъединенных напряженных систем, снижение напряжения которых хоть и оказывает влияние на личность в целом, однако их разрядка возможна лишь редко и по большей части не полностью. Эти системы образуют резервуар энергии для действий; без их относительно сильного обособления никакое упорядоченное действие не было бы возможным.

Экспериментальные исследования наполовину осуществленной деятельности (см. далее) также убедительно показывают, что душа в динамическом отношении отнюдь не образует совершенно замкнутого единства. Если в ходе эксперимента из ряда отдельных действий испытуемого некоторые будут прерваны экспериментатором до их окончательного завершения, то лишь в редких случаях, да и то в незначительной степени, может возникнуть общее состояние напряжения, нарастающее с каждым новым незаконченным действием. Вместо *единого* состояния напряжения, стремящегося к разрядке любым способом (например, путем продолжения уже законченных действий), возникает целый ряд относительно самостоятельных напряженных систем, которые разными способами обнаруживают свою относительную обособленность друг от друга. И только при очень сильном напряжении это состояние напряженности может распространиться на соседние области.

Проблема, является ли психическое единой однородной системой, в которой практически все связано со всем, или же оно состоит из относительно обособленных динамических систем, не совпадает с проблемой единства «Я», хотя обе эти проблемы и

находятся в тесной связи друг с другом, — это становится очевидным в случаях «расщепления личности».

Намеченный здесь вопрос чрезвычайно широк и труден. Его конкретное обсуждение требует значительного продвижения вперед экспериментальных исследований строения психики. Изложенные далее замечания (рассматриваемые нами лишь как сугубо предварительные) возникли из стремления избежать вполне естественных ложных толкований и одновременно с этим указать некоторые теоретические возможности, обсуждение которых требует дальнейшей экспериментальной разработки нашей темы.

По существу, с точки зрения гештальттеории естественнее всего было бы понимать «Я», исходя из психического целого, как структурную особенность последнего. Фактически именно такое понимание лежит в основе понятия *характера*, для адекватного представления которого необходимо исходить не из наличия тех или иных изолированных свойств, а из целостной личности. Если отсюда идти к проблеме динамических психических систем, то вполне естественно пытаться отождествить «Я» с понятием душевной целостности.

В противоположность этому, целый ряд фактов вынуждает нас признать, что в пределах психического необходимо выделить особую область — «Я» в узком смысле слова. Не всякий психологически существующий комплекс будет принадлежать к этому центральному «Я» (например, не все «ты», не все вещи, люди и сферы реальности, о которых я знаю и которые относительно важны для меня, входят в мое «Я»). Этому ^-комплексу должно быть присуще также — и это самое важное — функционально совершенно особое положение. Не всякая психическая напряженная система будет находиться в коммуникации с этим «Я». Напряжения, затрагивающие «Я», будут иметь особое функциональное значение в общем психическом организме (см. гл. 7), и вполне возможно, что в этой области различно направленные напряжения будут гораздо сильнее стремиться к выравниванию и относительно обособленным динамическим системам будет гораздо труднее сохраняться.

Строить модель такого типа стоит только в том случае, если к этому будут принуждать очень веские факты психической динамики, например, факты, относящиеся к области аффектов. Здесь нужно отметить лишь то, что выделение относительно обособленных психических систем оставляет открытым и другие возможности для решения вопроса о единстве и целостности «Я».

Во всяком случае, подводя итоги, нужно отметить следующее. Мы видели выше, что для исследования причинных связей и динамических отношений необходимо обратить особое внимание на психическое напряжение и источники энергии. *Эти психические напряжения и энергии принадлежат системам, которые представляют собой динамические единства и обнаруживают большую или меньшую отъединенность друг от друга.* Для психического процесса, для выравнивания психических напряжений и потока психических энергий имеет громадное значение структура соответствующих динамических систем, наличие сильных и слабых коммуникаций с различными другими психическими системами или отсутствие таких коммуникаций, а также любое изменение границ между ними.

Таким образом, при разработке проблем психических напряжений и энергий ни в коем случае нельзя забывать, что эти последние имеют место в определенных психических системах, и потому должны изучаться с тех позиций (гештальттеоретических), которые адекватны таким системам.

7. Психические процессы как жизненные процессы

Рассмотрение психических источников энергии как динамических систем, состоящих отчасти в тесной, отчасти в слабой коммуникации друг с другом, не должно вести к забыванию того, что психические процессы — это *жизненные* процессы. В предшествующем изложении это обстоятельство естественно должно было отступить на

задний план, поскольку при современном состоянии вопроса о психических силах и энергиях вначале важно сформулировать наиболее общие и простые положения. Поэтому для избежания недоразумений необходимо в самом сжатом виде подчеркнуть следующее.

Для адекватного описания структуры психики недостаточно простого разграничения различных степеней коммуникации между динамическими системами, но наряду с этим необходимо разграничить *слои* различного функционального значения.

Такое относительно функционально обособленное положение занимает, например, *моторная сфера* — благодаря тому особому значению, которое имеют моторные процессы для выравнивания психических напряжений, способу, каким моторика может вступать в коммуникацию с определенными психическими системами, и тем обстоятельствам, при которых эта коммуникация изменяется. Точно так же можно ставить вопрос и о функциональном значении сознательного мышления или наглядного представления. (Вероятно, и в области процессов восприятия следовало бы разграничить особые функциональные слои взамен явно недостаточного разграничения центральных и периферических процессов.)

Далее, большую роль играют изменения, происходящие по типу *развития, созревания, роста* или *регуляции*.

Не в последнюю очередь это относится к психическим источникам энергии, например, потребностям. Потребности обнаруживают ярко выраженный *онтогенез*. Это относится не только к потребностям такого рода, как сексуальные, но и вообще ко всем. Так, маленький ребенок испытывает характерное удовольствие от сбрасывания вещей; позднее он запихивает их под шкаф или под ковер; в более старшем возрасте ребенок охотно играет в «прятки»; желание спрятаться играет большую роль даже в некоторых случаях проявления лжи. Другой пример: маленький ребенок охотно открывает и захлопывает определенный ящичек; потом, еще сидя на руках матери, он с удовольствием отпирает и запирает дверь; позднее, когда начинает бегать, он особенно охотно, часто без конца, играет дверью и любит вытаскивать и задвигать все ящики. В таких случаях всякий раз можно следить не только за развитием «способности» производить определенные действия, здесь налицо еще и развитие *склонностей, потребностей, интересов*³⁷. Имеет смысл проследить (как по отношению к конкретной потребности, так и по отношению к конкретному ребенку), как развиваются потребности со стороны их содержания, при каких условиях они становятся более интенсивными, а при каких ослабевают, когда первоначально широкая потребность концентрируется на той или иной узкой сфере побудительностей и когда, наоборот, весьма конкретная склонность распространяется на смежные области. При этом не всегда критерием принадлежности к одной и той же потребности может служить тождественность способов действия. Наоборот, внешне очень различные действия могут побуждаться одним и тем же источником энергии, между тем как внешне очень похожие действия, например игра в куклы (или игра со строительными кубиками или электрическими игрушками) двух- и четырехлетнего ребенка, могут иметь совершенно различные основания.

Такого рода развитие часто обнаруживает тот же ритм, что и биологическое развитие зародыша: оно протекает прерывисто, сменяющимися друг друга *ступенями*, каждая из которых в значительной степени автономна. Понятия *созревания* и *кризиса* имеют здесь большое значение.

На онтогенетическое развитие наслаивается более частый ритм нарастания и спадания «волн» склонностей и потребностей (психическое насыщение и новое наступление «голода»).

Физиологию, к основным вопросам которой принадлежит проблема энергетического обеспечения организма, в недавнем прошлом рассматривали как «физику жизни». Изучая со всей возможной точностью преобразования энергии, забывали, что эти процессы включены в целостный организм, и пренебрегали собственно биологической проблемой

---

³⁷ Lau E. Beiträge zur Psychologie der Jugend in der Pubertätszeit. 2 Aufl. Langensalza, 1924.

энергетического процесса. В связи со своеобразием положения, которое занимает в биологии учение о преобразовании энергии как моменте жизненного процесса, возникают определенные специфические проблемы, которые пытаются обозначить, например, термином «средства органического процесса».

Аналогичная опасность и аналогичная трудность имеют место и по отношению к проблемам психологической энергии, особенно при попытке рассмотрения этих вопросов на конкретном материале. Существуют, например, определенные системы с определенными напряжениями и скоростями выравнивания напряжения, зависящие от степени коммуникации соответствующей системы с соседними областями и от соотношения их напряжений, при работе с которыми обычно пользуются вышеприведенными или родственными им понятиями из области энергетических процессов. Однако при этом могут, иногда совершенно неожиданно, вступить в действие процессы регуляции (например, если речь идет о проявлении самообладания или воли), которые уже не могут быть объяснены из положений, до сих пор клавшихся в основу исследования и казавшихся адекватными. В таких случаях временами бывает полезно перейти к более широким областям, которые, при рассмотрении их в качестве целостной системы, позволяют прояснить то, что было первоначально непонятным. Мы не имеем здесь возможности углубляться в вопрос о том, всегда ли можно достигнуть цели исследования путем сведения к целостностям большего объема и различной силы, или требуют ли психические процессы роста и созревания привлечения других понятийных структур, чем названные выше. Ведь здесь речь идет о вопросах, охватывающих всю сферу жизни³⁸. Во всяком случае, решающую роль и там, и там играет одно и то же понятие динамической целостности в точном смысле динамического гештальта. Этим определяется большая область экспериментально-психологических исследований, которые обещают внести кардинальную ясность и в решение общих проблем жизни.

Намерение, воля и потребность

Существенная трудность экспериментального исследования, прежде всего, импульсивных (*triebhaft*) действий определяется тем местом, которое традиционно отводится проблемам воли в общей совокупности психологических проблем. Исходя, главным образом, из *феноменологических* точек зрения и из вопроса о конечных «*элементах переживаний*», психологи обычно видят «сущность» волевого процесса в ярко выраженных переживаниях типа решения, намерения и т.п. Выделение таких феноменологически чистых типов может быть весьма важным в некоторых отношениях. Однако такого рода группировка не может служить исключительным или даже просто определяющим основанием для исследования *причинных* связей.

Чрезмерное подчеркивание феноменологических моментов в вопросе о причинах привело к тому, что на весьма распространенный тип процессов, наиболее ярко в динамическом отношении демонстрирующих волевой характер, не обращалось достаточного внимания. Своеобразие этого типа процесса в плане переживания часто проявляется очень слабо; но даже и там, где его особенность в качестве переживания достаточно выражена, процесс этот обычно не имеет характера единичного законченного акта переживания, который было бы относительно легко выделить из общего психического потока как явный акт принятия решения. Его особенности как переживания носят обычно ситуативный характер, или же выявляются только в структуре течения соответствующего процесса: я имею в виду процессы *овладения*, будь то овладение аффектами или действиями.

Во всяком случае, в *педагогике* вопрос об овладении издавна рассматривался как основной вопрос воспитания.

---

³⁸ См., *Lewin K. Der Begriff der Genese in Physik, Biologie und Entwicklungsgeschichte. Berlin, 1922*

Изменение значения намерения в современном воспитании воли

После того, как сама по себе совершенно правильная тенденция — приблизить воспитание к возрастным особенностям ребенка — постепенно привела к угрозе педагогического попустительства в целом, в последнее время вновь стали несравненно сильнее подчеркивать проблему воспитания воли. Это современное воспитание воли обнаруживает известные характерные черты. На них здесь необходимо указать, поскольку они стоят в тесной связи с рассматриваемыми дальше теоретическими вопросами.

Итак, современные течения в педагогике ставят своей задачей воспитание воли. Но они решительно отказываются считать *дрессировку* и *послушание* центральными моментами этого воспитания. Главным признаком «*дисциплины*» в школе прошлого поколения было неподвижное сидение детей в предписанной позе, полная тишина на уроках, внимание и беспрекословное послушание.

Упомянутые выше современные течения в педагогике также признают эту «*внешнюю дисциплину*», но ограничивают ее точно определенными по времени и короткими ситуациями (требуют ее при выполнении отдельных гимнастических упражнений и т.п.) и решительно отказываются от нее как базовой установки для всех классных занятий. В своих поступках и действиях ребенок остается несравненно свободнее³⁹. Действительно, поверхностный наблюдатель скорее может получить от современной школы впечатление некоторого беспорядка.

Но было бы большой ошибкой видеть в этом всего лишь стремление избавить ребенка от тягостного неподвижного сидения. Гораздо существеннее следующее: ребенок, тихий и дисциплинированный в школе, вполне может, совершенно не управляя собой, шуметь и буйствовать по дороге домой. Подобная школьная дисциплина мало учит или не учит его вовсе управлять своими переживаниями в личной жизни, которым ребенок внутренне отдается с большой силой. Именно там, где находятся главенствующие источники побуждений и энергии, они могут разрастаться совершенно неупорядоченно, поскольку школьная дисциплина ребенка и вся его остальная внешкольная жизнь резко отделены друг от друга.

Здесь налицо та же ситуация, что и с сексуальными проблемами, с которыми не могут справиться только потому, что отделяют их от остальной жизни, отодвигая в область темного и не подлежащего обсуждению. Совершенно неважно, следует ли считать это «воспитание» задачей школы или нет, так как подобные проблемы совершенно естественно возникают и в рамках семейного воспитания.

Современное воспитание воли ставит своей задачей формирование поведения ребенка как раз в тех случаях, когда он сам, вследствие значительной интенсивности его базисной энергетике, не в состоянии управлять собой. Это не должно происходить путем подавления самих этих сил, наоборот, скорее необходимо их усилить и именно путем овладения собой помочь их полному развитию.

Но предпосылкой к решению этой задачи является доступ учителя к тому слою в психике ребенка, в котором лежат движущие силы его поведения, то есть контакт с ребенком в сфере его сильных жизненных переживаний, отсутствие барьера между школой и остальной жизнью ребенка.

Формирование движущих сил души и воспитание действительного внутреннего самообладания возможно только при условии, что сами эти процессы текут живым потоком. Высвобождение влечений и их внешнее выражение есть, в известном смысле, необходимая предпосылка их формирования. Фактически, воспитание самообладания, как правило, осуществляется именно в ситуациях повышенной эмоциональной включенности, прежде всего — в ситуациях совместной жизни детей. (Например, при обсуждении

---

³⁹ Как пример для настоящего и последующего изложения следует указать, в частности, Гамбургские общественные школы или берлинские школы под управлением Енсена и Карсена.

детских рисунков автор выслушивает описание и критику своего рисунка другими детьми без права какого бы то ни было вмешательства.)

Таким образом, основная черта этого течения в педагогике состоит в попытке обратиться к реальным движущим силам и источникам энергии и *постепенно* передать в руки ребенка управление психическими процессами, текущими свободным потоком. Именно ради этого более глубокого воспитания воли следует окончательно отказаться от основной установки на внешний самоконтроль, достигаемый путем выдрессированной фиксации прочного, раз и навсегда установленного поведения.

Естественно, что такую несравненно более глубокую педагогическую задачу и осуществить несравненно труднее.

С этим тесно связано и второе положение: *послушание* и *благое намерение* в значительной степени отступают в педагогике на задний план. Вместо них в центре оказывается проблема владения собой. И действительно, эта проблема несравненно сильнее выступает на передний план, чем послушание и намерение, как только внимание направляется на психические *движущие силы*. Ибо там, где речь идет не о достижении строго определенного и потому предвидимого внешнего поведения, а о внешне очень различном поведении в зависимости от общей ситуации, для намерения остается гораздо меньше места. Кроме того, как мы увидим ниже, намерение черпает свои силы из более глубоких источников психической энергии. Поэтому связанная с намерением подготовка будущего в наиболее важных случаях недостаточна без овладения движущими силами, действующими в данной ситуации.

Это отодвигание проблемы намерения на задний план по сравнению с проблемой владения собой проявляется особенно характерно в проблеме послушания маленького ребенка. Маленький ребенок должен учиться слушаться, но научиться этому он должен именно через выработку самообладания⁴⁰. Упражнения в самообладании (например, сидеть так тихо, чтобы каждый мог слышать свое собственное дыхание) должны и здесь составлять основу. Не самообладание должно базироваться на послушании и намерении, а наоборот, послушание и намерение — на самообладании.

Мне кажется, что перемена, аналогичная той, какую мы наблюдаем в педагогике воли, необходима и в основной проблематике экспериментальной психологии воли. В центр каузально-динамических проблем теории воли, наряду с актами намерения или решения, необходимо с гораздо большей решительностью поставить *самообладание*, несмотря на то, что отчетливые переживания его можно наблюдать значительно реже.

Такая перестановка акцентов в психологии воли должна значительно облегчить доступ также и к экспериментальной разработке проблем влечений и аффектов, с которыми несомненно напрямую связаны вопросы самообладания, и вместе с тем открыть путь к экспериментальному исследованию собственно психологических источников энергии.

В русле конкретной проблемы намерения, которой мы будем заниматься ниже, также не следует оставлять без внимания связь с энергиями и напряжениями всей психической системы в целом.

I. Некоторые факты⁴¹

1. О влиянии времени на действенность намерения. Резкое прекращение действенности намерения после завершения действия

Обычно в преднамеренном действии видят основной тип *волевого действия* в собственном смысле слова. При этом под преднамеренным действием, из которого исходят в теоретических построениях, понимают процесс, имеющий в наличии все фазы, а

⁴⁰ См.: *Montessori M. Selbsttätige Erziehung im frühen Kindesalter*. Stuttgart, 1913.

⁴¹ Подробный обзор предшествующей литературы по вопросам экспериментальных исследований психологии воли читатель найдет у: *Lindworsky J. Der Wille*. 3 Aufl. Leipzig, 1923.

именно процесс следующего типа: 1) первую его фазу составляет *процесс мотивирования* — более или менее длительная и напряженная борьба мотивов; 2) вторая фаза состоит в акте выбора, или принятия решения, *намерения*, прекращающего эту борьбу; 3) за ним следует, сразу же или по истечении более или менее продолжительного промежутка времени, третья фаза — собственно *преднамеренное действие* в узком смысле слова. Центральным феноменом собственно психологии воли считается вторая фаза — *акт намерения*. Возникает вопрос, как на основании акта намерения позднее осуществляется соответствующее ему действие, особенно в тех случаях, когда осуществление действия не следует непосредственно за этим актом. Ведь было выяснено, что в таких случаях акт намерения вовсе не нуждается в том, чтобы быть еще раз воспроизведенным непосредственно перед действием.

Опыты Аха доказали⁴², что инструкция, данная загипнотизированному лицу, выполняется в постгипнотическом состоянии при наступлении сигнала, причем испытуемый может и вообще не знать о факте сообщения ему инструкции во время гипноза. Следовательно, достаточно наступления *соответствующего случая*, представленного в акте намерения, например, зрительного сигнала (Ах называет это «представлением отношения»), чтобы за ним последовало соответствующее *исполнительное действие*, например, нажим на клавишу (Ах называет это «представлением цели»). Спрашивается, можно ли (и как именно) более детально охарактеризовать это последствие, исходящее из акта намерения.

Господствующая теория понимает это положение дел по существу в том смысле, что на основе акта намерения между «представлением отношения» и «представлением цели» устанавливается связь такого рода, что возникновение «представления отношения» влечет за собой соответствующее «представлению цели» действие. Ассоциативная теория⁴³ видит причину этого в ассоциации между представлениями отношения и цели. Но и теория детерминирующей тенденции, отрицающая ассоциативный характер этой связи, допускает в качестве *причины* преднамеренного действия сцепление в акте намерения представлений отношения и цели.

Чтобы понять, откуда вообще возникла эта теория, необходимо припомнить, что экспериментальный анализ воли вышел из так называемых опытов с реакциями, в которых намерение состоит в том, чтобы выполнить определенное действие в ответ на произвольно выбранный сигнал, причем действие имеет слабое отношение к сигналу, или вообще никакого отношения к сигналу не имеет.

Можно подойти к этой проблеме с чисто внешней стороны и поставить вопрос: какую роль играет длительность времени, разделяющего акт намерения и его осуществление? Ослабляется ли последствие намерения по аналогии, например, с ослаблением ассоциации или так называемой кривой забывания? Здесь прежде всего необходимо отметить, что действенность даже относительно безразличных и — более того — попросту бессмысленных намерений сохраняется поразительно долго.

Так, данное студентам задание: «Придя на следующее занятие (которое должно состояться через 8 дней), все должны дважды подряд подняться по ступенькам перед входом в здание Психологического института», — к немалому удивлению, было выполнено значительным их большинством, между тем как в промежутке об этом уже не напоминалось.

Но бывают и такие процессы, в которых последствие намерения обычно резко обрывается.

Допустим, что человек решил опустить письмо в почтовый ящик. Ближайший почтовый ящик, мимо которого он проходит, моментально осознается и напоминает о

⁴² Ach N. *Über die Willenstätigkeit und das Denken*. Göttingen, 1905.

⁴³ Müller G.E. *Zur Analyse der Gedächtnistätigkeit und des Vorstellungsverlaufs*. 111. Teil // *Zeitschrift für Psychologie* 1913. Ergänzungsband 8.

нужном действии. Письмо опущено. Однако следующий почтовый ящик, встречающийся ему на пути, оставляет его совершенно равнодушным. Вообще, имеет силу следующее положение: *наступление соответствующего случая* (представление отношения) *не оказывает*, как правило, *эффекта*, коль скоро *преднамеренное действие осуществлено*.

Констатация этого факта звучит как нечто само собой разумеющееся. Тем более необходимо извлечь из него все заключающиеся в нем теоретические следствия. Согласно законам ассоциации, опускание письма в первый почтовый ящик должно установить ассоциацию между почтовым ящиком и опусканием в него письма и, следовательно, подкрепить прежде существовавшую силу, направленную на опускание письма, будь она ассоциативной или какой-либо другой природы. Здесь не только заключена трудность для воззрений ассоциативной психологии, но кроме того возникает вопрос — и это для нас самое существенное — действительно ли *сцепление* соответствующего случая и выполнения действия (представлений отношения и цели) составляет ядро рассматриваемого нами факта. Ведь если последствие акта намерения нужно искать в том, что при наступлении соответствующего случая, представление о котором имелось в момент принятия намерения, возникает тенденция к осуществлению действия, то совершенно непонятно, почему при наступлении второго такого же соответствующего случая эта тенденция не проявляется вновь с такой же или даже большей силой? (Отсутствие письма, после того как оно уже было опущено, помешало бы полному осуществлению этой тенденции; но тормозящее действие этой неудачи могло бы проявиться только при восприятии третьего почтового ящика, к каким бы сложным вспомогательным гипотезам ни обращались защитники ассоциативной теории.) Менее всего можно сослаться для объяснения этого факта на ослабление действенности акта намерения в зависимости от времени, так как повторяющиеся одинаковые соответствующие случаи могут быть вполне действенными, если само намерение направлено на многократно повторяющиеся действия (например, состоит в наклеивании этикеток на каждый почтовый ящик). В нашем же случае с опусканием письма силы, побуждающие это действие, после первого же опускания, по-видимому, внезапно *исчерпываются*. Это говорит о том, что причину и этого первого действия нужно искать не просто в сцеплении представлений отношения и цели, которое при наступлении соответствующего случая побуждает к выполнению действия.

Между прочим, иногда случается, что и после того, как письмо опущено, восприятие следующего почтового ящика вновь пробудит ту же тенденцию опустить письмо, или по крайней мере проконтролировать, опущено ли оно. Это бывает прежде всего в случае, если речь идет об особенно важном письме, отправление которого особенно заботит. Исследование такого случая может быть осуществлено экспериментально. При этом нельзя упускать из вида следующее. Если опыт ставится в форме так называемого «опыта с реакциями» и испытуемому дается приблизительно такая инструкция: «Будет дан определенный зрительный сигнал; увидев его, Вы должны нажать на кнопку», — то в этом случае сигнал не будет действовать как наступление осмысленного соответствующего случая, содержательно связанного с действием, а будет именно просто «сигналом» и может приобрести значение «приказа»; таким образом, он может срабатывать многократно. Повторение сигнала будет в этом случае идентично словесной инструкции: «Выполните задание еще раз». (Подобное же значение непосредственного приказа имеет, например, поднятая рука постового, регулирующего движение.) Позднее мы вернемся к этим вопросам еще раз. Если же испытуемому дана задача скрепить гвоздями раму и подобран такой соответствующий случай, который в контексте всего действия в целом имеет значение не приказа, а осмысленной возможности (например, сделать это, когда кто-то принесет ящик с гвоздями), то после выполнения заданной работы повторная тенденция обычно исчезает, даже в случае повторения соответствующего случая (то есть если тот же человек еще раз принесет ящик с гвоздями).

2. Действенность намерения при отсутствии предварительного установления соответствующего случая и способа выполнения, а также при ненаступлении соответствующего случая

Обычно основным типом деятельности намерения считают такой случай, когда при акте намерения точно устанавливается *строго определенный соответствующий случай* и

определенный способ выполнения действия. При этом имеют в виду, например, процессы типа «опытов с реакциями», от которых и берет свое начало экспериментальное исследование волевых процессов. «Представление отношения» состоит, например, в определенном зрительном сигнале, «представление цели» — в нажатии кнопки.

Однако в действительности далеко не каждый акт намерения содержит такого рода точную фиксацию соответствующего случая и определенного способа выполнения действия.

Прежде всего, *само конкретное действие может оставаться в значительной мере неопределенным.* Можно решить, например, уговорить кого-нибудь выполнить какое-либо дело. Но при принятии намерения может оставаться совершенно открытым, какие при этом будут говориться слова, какие будут приводиться доводы; быть может, сначала будет иметь место просто прогулка, установление дружеских отношений, а вовсе не речь о деле и т.п. Намерение уклониться от брошенного мяча уже *может* заключать в себе желание уклониться, например, влево, но может и сохранять полную неопределенность, будет ли уход совершен вправо или влево, прыжком вверх или пригибанием к земле.

Подобного рода общие намерения вполне обычны и отнюдь не менее действенны, чем намерения максимально конкретизированные. Напротив, часто бывает гораздо целесообразнее предоставить конкретному способу выполнения намерения самому собой вырасти из целостности *конкретной ситуации осуществления намерения*, чем заранее однозначно устанавливать способ действия (например, способ уклонения от мяча, форму разговора).

Точно так же обстоит дело и с точным определением в акте намерения *соответствующего случая.* Как правило, чрезвычайно неопределенными в этом отношении оказываются именно жизненно самые важные и самые широкие намерения, например, намерение посвятить себя тому или другому призванию, намерение ребенка быть послушным. Здесь остается совершенно открытым, какие конкретно действия и при каких обстоятельствах будут осуществляться. *Из одного и того же намерения, смотря по обстоятельствам, могут даже возникнуть совершенно противоположные действия.* Один раз более «подходящим» поведением будет выполнение какого-либо действия, другой раз — невыполнение этого же действия.

Но даже если в акте намерения заранее предустановлены и соответствующий случай и способ выполнения действия, все же часто имеет место удивительное явление: действие намерения *направляется на другой, не тот, что был установлен в акте намерения, соответствующий случай и вызывает другие, не те, что предусматривались в акте намерения, действия.* Там, где нет осмысленной связи между соответствующим случаем (представлением отношения) и выполнением действия (представлением цели), как например, в опытах с реакциями, это явление редко имеет место⁴⁴. Но там, где, наоборот (как в большинстве случаев повседневной жизни), имеется *содержательная* связь между представлением соответствующего случая и способом выполнения, такое явление встречается часто.

Например, у человека возникло намерение, вернувшись вечером домой, написать открытку своему знакомому. В полдень он заходит в такое место, откуда можно позвонить, вспоминает о своем желании известить знакомого и вместо открытки использует для этого телефон. Другой пример: я решил (намерение) по дороге бросить в почтовый ящик письмо. Заходит друг, и я прошу его бросить письмо.

В такого рода случаях мне кажутся существенными два пункта. Во-первых, силы, исходящие из намерения или с ними связанные, актуализируются совершенно иным переживанием (видом телефона), чем зафиксированный в акте намерения соответствующий случай (возвращение домой, открытка). Это переживание действует,

---

⁴⁴ К вопросу о широте и изменчивости таких актуализирующих раздражителей см.: Lewin K. Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Assoziation // Psychologische Forschung. 1922. 2. S. 90.

следовательно, так же, как наступление заранее представленного соответствующего случая: вызывает выполнение действия, хотя и совершенно *другого*, чем то, которое было представлено в акте решения. Это действие с точки зрения акта намерения можно назвать «*замещающим действием*», или, точнее, эквивалентным, «соответствующим ситуации» действием.

Чтобы, невзирая на все сказанное, все же отстоять утверждение, что силы, направленные на выполнение намерения, сводятся к *сцеплению* в акте намерения представлений о соответствующем случае и способе выполнения действия, и что это последнее актуализируется вследствие наступления ранее представленного соответствующего случая, пытаются объяснить действенность «*замещающего случая*» и наступление «*замещающего действия*» тем, что объявляют их соподчиненными случаями одного и того же «общего представления», которому соподчинены также и точно установленные в акте намерения соответствующие случаи и способы выполнения деятельности. Психология мышления показала, однако, что подобного рода теории общего представления находятся в противоречии с конкретными психологическими фактами⁴⁵.

Однако, прежде всего, мне кажется, что если исходить из понятия сцепления, остается совершенно непонятным, почему вообще после подобных *замещающих действий* позднейшее действительное наступление *предусмотренного* в акте намерения *соответствующего случая уже не вызывает никакой тенденции* к выполнению ранее намеченного действия? Почему почтовый ящик, мимо которого мы проходим после принятия решения опустить письмо, теперь уже не действует на нас, как прежде, в качестве побудителя, если письмо было раньше отдано другому (хотя сотни других выполненных в промежутке действий не могут разрушить действенность намерения)? Несомненно, одним из наиболее бросающихся в глаза обстоятельств в вопросе о последствии акта намерения является то, что его действенность вообще прекращается, как только осуществлено намеченное или даже только эквивалентное ему действие. Но именно это обстоятельство оказывается непонятным, если понимать силы, влекущие к намеченному в акте намерения действию, как силы, исходящие из представления о соответствующем случае на основе осуществленного в акте намерения сцепления, будь то ассоциативного или неассоциативного характера.

Возможно, еще большие трудности для данной теории представляют собой следующие случаи: человек намеревается что-то сообщить своему знакомому, воспользовавшись его предполагаемым посещением. Посещение не состоялось. В случае такого *выпадения ранее предусмотренного соответствующего случая* действенность намерения не исчезает, но начинаются *поиски* нового соответствующего случая. Здесь непосредственно обнаруживается, что *налицо состояние напряжения, которое изнутри побуждает к разрядке через действия, лежащие в определенном направлении*.

Здесь не может иметь серьезного значения то возражение, что в подобных случаях первоначальное решение касалось не сообщения при определенных обстоятельствах, а вообще некоторого сообщения знакомому. Несомненно, существуют и подобного рода общие намерения, однако столь же несомненно бывают и конкретные намерения. Иногда они действительно ведут к тому, что при отсутствии предусмотренного ранее соответствующего случая действие не осуществляется, человек «забывает» о намеченном действии, так как точно предусмотренный случай не наступил. К таким исключениям мы еще вернемся ниже.

Такие внутренние напряжения могут приводить к выполнению действия только потому, что точно предустановленный случай заставляет себя слишком долго ждать. В соревнованиях по бегу, например, имеет место сильная тенденция *стартовать раньше времени*. Нечто подобное бывает в опытах с реакциями, и даже в таких областях как

---

⁴⁵ Selz O. Gesetze des geordneten Denkverlaufs. Stuttgart, 1913.

политическая жизнь можно наблюдать подобного рода *поспешные* действия до наступления предусмотренного соответствующего случая.

Все эти случаи: действенность намерения, при котором остались неопределенными соответствующий случай или способ выполнения, или оба вместе; действенность иных, чем предусмотренные в акте намерения, соответствующих случаев (адекватные ситуации, замещающие случаи) и осуществление эквивалентного по содержанию действия; поиски других возможностей при ненаступлении точно установленного случая и слишком поспешное возникновение действия; прекращение действенности намерения после выполнения предусмотренного в акте намерения действия или действия замещающего, — все эти ситуации показывают, что *причины преднамеренного действия недостаточно охарактеризовать* как силы, которые при наступлении определенных соответствующих случаев побуждают к определенным действиям, *сцепленным* с этими случаями в акте намерения по законам связи представлений.

3. Возобновление прерванных действий

В этой же связи должна быть рассмотрена еще одна группа фактов, на которой я хотел бы остановиться подробнее⁴⁶.

Пусть выполнение намеченного действия прервано во время самого выполнения. Если бы сцепление соответствующего случая и выполнения намерения имело бы решающее значение, то после прерывания действия ничего не могло бы начаться без повторного наступления соответствующего случая, если само начатое действие не порождает силы для следующего действия. Можно сравнить это со случаями, когда действенность намерения исчерпывается после его срабатывания на первый же соответствующий случай. Я ограничусь упоминанием только некоторых результатов исследований Овсянкиной, существенных для рассматриваемого вопроса.

Действия, которые использовались в экспериментах Овсянкиной, были *не слишком интересны*. Они состояли, например, в составлении фигур из цветного строительного материала, в переписывании корреляционной схемы сдвига ранговых мест, в нанизывании бусинок, вылепливании животного из пластилина и т.д.

В момент прерывания первого действия можно наблюдать очень сильный и *яркий* эффект. Испытуемый *сопротивляется* прерыванию своего действия (даже не особенно приятного). Это сопротивление временами принимает весьма *упорные* формы. Силы, противодействующие прерыванию, по-видимому, тесно связаны, помимо всего прочего, с процессом действия как таковым, с его структурой и отношениями с более широкими целостностями.

В связи с рассматриваемой проблемой особый интерес представляют следующие вопросы. Что получится, если испытуемый все же, в соответствии с инструкцией, обратится ко *второму* действию, прервавшему первое, и *закончит* его? В этом случае возникает, говоря коротко, чрезвычайно сильная *тенденция к возобновлению первого действия*.

В опытах использовались два типа прерывания. Первый тип составляют «случайные» *перерывы*: как будто благодаря случайной неисправности гаснет свет; у экспериментатора падает ящик с мелкими предметами и испытуемый из вежливости помогает их собрать и т.д. Второй тип прерывания осуществляется путем прямой инструкции, требующей перехода к *другому действию*.

Хотя случайные перерывы растягивались приблизительно на 20 минут, все они без исключения вели к возобновлению первого действия. Очень часто возобновление первого действия наблюдалось даже при прерывании путем постановки другой задачи, иногда после промежутка времени почти в целый час. При этом испытуемый знал, что

---

⁴⁶ Обсуждаемые процессы были подробно проанализированы г-жой Овсянкиной в Берлинском Психологическом институте.

экспериментатор совершенно не требует возобновления, иногда даже прямо *запрещает* его.

Особый интерес для нас представляет сам *акт возобновления*. Обнаружилось, что тенденция к возобновлению усиливается, как только испытуемый вновь видит перед собой материал первого незаконченного действия (например, лист бумаги с начатым рисунком). *Но и при отсутствии этого внешнего раздражителя обнаруживается сильная тенденция к возобновлению действия*. Наблюдения за поведением испытуемых и данные самонаблюдения показывают, что даже если испытуемый не думает во время новой работы о первом задании, по истечении нескольких секунд после окончания второй работы возникает позыв возобновить первую работу, иногда сначала в неопределенной форме «хочется закончить еще что-то» без определенного осознания, что именно.

Дело здесь чаще всего не в *упорстве* самой деятельности, имеющей место, например, при настойчивом рифмовании бессмысленных слов, а в тенденции, которая обычно направлена на окончание деятельности или на достижение эквивалентного ему эффекта устранения внутреннего напряжения. Соответственно этому, тенденция к возобновлению несравненно чаще отсутствует в том случае, если первое действие не имеет четкого конца, а является непрерывно длящейся деятельностью.

Здесь не место разбирать остальные результаты и возможные возражения. Необходимо отметить только одно. Сила тенденции к возобновлению зависит непосредственно не от интенсивности предшествующего волевого акта⁴⁷, а прежде всего *от внутреннего отношения испытуемого к деятельности*. «Чистые испытуемые», то есть такие, которые «делают все, что велит экспериментатор», так сказать, передав экспериментатору свою волю, не проявляют тенденции к возобновлению или проявляют ее лишь в очень слабой степени. Следовательно, испытуемый должен действительно хотеть выполнить данное конкретное действие.

При этом важно, какие *центральные волевые цели* заставляют испытуемого принять инструкцию экспериментатора. Если, например, экспериментатор просит испытуемого выполнить определенную работу, поскольку она нужна ему для других опытов, то испытуемый берется за такую работу не в качестве «испытуемого», но из-за желания оказать любезность экспериментатору в качестве, так сказать, партнера по исследованию или светского человека. Соответствующее действие является в таком случае действием «всерьез». В таких случаях тенденция к возобновлению существенно сильнее, чем если речь идет просто о «действии по инструкции».

Мы стоим, следовательно, перед следующим фактом: обнаруживается сила, которая даже после относительно длительного перерыва побуждает к окончанию прерванного действия. Ее проявление никак не связано с наличием внешнего побуждения к возобновлению действия после прерывания, напротив, возобновление часто возникает спонтанно и исходит изнутри.

Другие примеры.

На одном собрании были подняты некоторые вопросы, но разрешение их не было доведено до конца. В таком случае этими вопросами начинают заниматься потом, и они на долгое время могут стать предметом разговоров между людьми. Это бывает прежде всего тогда, когда эти вопросы сильнее затрагивают личность.

Некто хотел помочь школьнику в решении математической задачи, но, не доведя его до конца, был чем-то отвлечен. Эта задача, неинтересная сама по себе, может всплыть в сознании долгое время спустя.

---

⁴⁷ Это согласуется с целым рядом исследований: *Lindworsky J.* Der Wille. 3 Aufl. Leipzig, 1923; *Lewin K.* Die psychische Tätigkeit bei der Hemmung von Willensvorgängen und das Grundgesetz der Assoziation // Zeitschrift für Psychologie. 1917. 77. S. 236; *Baumann L.* Experimentelle Untersuchungen über den Willens bei Normalen und Psychopathen // Psychiatr. en Neurol. Bladen. 5 u. 6. 1919; *Sigmar.* Über die Hemmung bei der Realisation eines Willensaktes // Archive für die gesamte Psychologie. 1925. 52.

Некто погрузился в чтение глупого газетного романа, но не дочитал его до конца. Этот роман может годами преследовать его.

Здесь важен тот экспериментально обнаруженный факт, что «интерес» нельзя рассматривать в подобных случаях как решающее условие.

В заключение необходимо отметить те теоретически важные случаи, когда определенная содержательная связь между первоначальным действием и прервавшим его действием является причиной того, что *тенденция к возобновлению отсутствует*. Например, ребенка, рассказывавшего какую-нибудь историю, прерывают предложением нарисовать какую-нибудь сцену из этой истории. Возобновления рассказа в таком случае не последует, — очевидно потому, что этим рисунком предшествующая деятельность рассказывания была каким-то образом завершена. Можно сказать, что здесь имеет место своего рода «*замещающее завершение*» рассказа. Мне представляется, что такие случаи хорошо освещают природу тех сил, которые задействованы при выполнении намерения. Важно также, что в случаях возобновления прерванной работы возобновленное действие вовсе не должно представлять собой «недостающий кусок» первоначального действия; после перерыва может начаться совершенно иначе структурированное действие, однако направленное на ту же цель. Иногда возобновление может вообще принять форму игры с соответствующим материалом.

4. Забывание намерения

Ближайший, в известном смысле прямой путь к изучению последствий намерения есть исследование забывания намерений.

Необходимо тщательно разграничить *два понятия забывания*. Одно относится к тому, что обычно понимают под *памятью* (способность воспроизводить знание, когда-то раньше бывшее в распоряжении человека). К этому же типу мы будем относить в данном контексте и способность воспроизводить знакомые ранее действия (хотя по существу речь здесь отчасти идет совершенно о другом)⁴⁸.

Второе понятие забывания относится к *невыполнению намерения*. В этой связи в повседневной жизни говорят о «*забывчивости*». Само собой разумеется, что человек, забывший выполнить предусмотренное актом намерения действие, обычно вполне в состоянии воспроизвести содержание этого намерения. Следовательно, знание об акте намерения в смысле памяти налицо. Хорошая память как ярко выраженная способность воспроизводить знания или действия отнюдь не идет рука об руку с добродетельной привычкой не оставлять невыполненным «по причине забывчивости» то, что мы намеревались сделать (впрочем, некоторая связь здесь может иметь место).

(Гизе констатировал плохое соответствие между практикой и испытаниями памяти⁴⁹. Причина этого несоответствия может заключаться в том, что в деловой практике под «забывчивостью» часто понимают забывчивость по отношению к поручениям, — факт, который по своей природе скорее относится к области воли, чем памяти.)

Впрочем, нельзя упускать из виду еще и *третье* значение забывания: человек не помнит неприятностей, которыми он обязан какому-нибудь определенному лицу, не мстит ему за них, прощает и забывает. Эта большая или меньшая «*злопамятность*» особенно важна в связи с психологией воли и аффектов, в то же время она не совпадает с вышеприведенными двумя другими понятиями памяти. Можно иметь плохую память, быть очень забывчивым и в то же время чрезвычайно злопамятным.

У нас, следовательно, идет речь о втором понятии забывания — *непреднамеренном невыполнении намерения*.

---

⁴⁸ Lewin K. Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Association II. // Psychologische Forschung. 1922.2. 125 f.

⁴⁹ Доклад на Конгрессе прикладной психологии 1924 г.

При этом мы не будем рассматривать случаи, когда забывание намерения может быть объяснено тем, что человека в самый решительный момент что-то резко отвлекло. Ведь как раз другие случаи дают возможность непосредственно увидеть те обстоятельства, при которых последствие намерения прекращается.

Как уже было упомянуто, отнюдь не создается впечатления, будто действенность намерения ослабевает пропорционально времени. *Вообще, в психологии, так же как и в физике, нельзя считать время причиной реального процесса.* Там, где обнаруживается падение интенсивности какого-нибудь переживания с течением времени, это падение всегда можно объяснить нормальными жизненными процессами. Однако и в этом случае оправдан и даже необходим вопрос: что же в рамках более широкого жизненного процесса является *конкретной причиной*, например, забывания определенного намерения?

В ходе экспериментальных исследований забывания намерений⁵⁰ испытуемый должен был выполнить ряд заданий и при этом в конце каждого выполненного задания (или на какой-либо другой определенной стадии работы) поставить в качестве подписи свою фамилию и дату. Каждый листок после выполнения задания он должен был передать экспериментатору.

Было обнаружено следующее:

1) Намерение не является, как правило, изолированным душевным фактом, но обнаруживает *свою принадлежность к определенной целостности действия*, к определенной *сфере личности*. Поэтому подпись включается обычно не в «содержание работы», а в сферу «личного», которая актуализируется при «передаче работы» экспериментатору.

Переход от той сферы действий, в которую *включено* намерение к другой сфере может повлечь за собой забывание этого намерения. Например, в опытах было обнаружено следующее: подпись часто забывается, если после шести *однородных* действий седьмым должно быть выполнено действие совершенно другого рода.

Чтобы изолировать эту область действенности намерения иногда достаточно введения *паузы* длительностью несколько минут. После паузы подпись часто забывается. То, что здесь мы имеем дело не с простым падением активности намерения в зависимости от времени, ясно из того, что подпись не забывается даже при отсутствии подкрепления намерения, если испытуемый все время переходит без пауз к выполнению новых действий, а также из того, что подпись обычно не забывается, когда пауза длится не пять минут, а целый день.

Это на первый взгляд парадоксальное обстоятельство имеет, по-видимому, следующее объяснение: пауза в 5 минут в ходе продолжающегося ряда опытов весьма ощутима, и после нее испытуемый вступает как бы в новую сферу, для которой прежнее намерение не имеет значения или имеет лишь ослабленное значение. Если же, наоборот, вторая группа опытов отсрочена на целый день, то возобновление опытов для испытуемого означает «возобновление вчерашних опытов», а не воспринимается (как в первом случае) в качестве «перехода к новым опытам», поэтому испытуемый оказывается в той же самой внутренней ситуации. (В действительности и при других опытах, как правило, нет нужды повторять инструкцию на следующий день: испытуемый обычно вместе с внутренней готовностью к опытам принимает и вчерашнюю инструкцию.)

Такие намерения, включенные в какую-нибудь сферу действий, не забываются, если жива *соответствующая сфера действий*, и только в этом случае.

В повседневной жизни забывание намерения (или, правильнее, бездействие намерения при появлении представленного в акте намерения или другого пригодного соответствующего случая) также часто можно наблюдать тогда, когда конкретный психический комплекс, включающий это намерение, прекратил существование. Как раз наиболее частые случаи забывания, которые обычно оправдывают тем, что человек

---

⁵⁰ Опыты проводились г-жой Биренбаум в Берлинском Психологическом институте.

«слишком занят чем-нибудь другим», невозможно объяснить просто высокой *интенсивностью других переживаний*. Если речь идет об интенсивных переживаниях, принадлежащих к *тому же самому* психическому комплексу, то это, наоборот, может только благоприятствовать выполнению намерения. С другой стороны, забывание может наступить и без интенсивного отвлечения, если господствующая в данный момент психическая сфера отстоит достаточно далеко от той сферы, в которую включено намерение. Впрочем, определенное значение наряду с этим имеет и фактор интенсивности.

2) Для вопроса о забывании существенное значение имеет также и сам *соответствующий случай*. Так, например, испытуемый с чрезвычайной регулярностью забывает подписать свою фамилию, если ему неожиданно приходится выполнять задание на бумаге большего формата или иной окраски. Очевидно, бумага сама по себе напоминает испытуемому о намерении, как почтовый ящик — об опускании письма (или узелок на платке напоминает о том, что не должно быть забыто). Лист бумаги обладает тем, что я мог бы назвать *побудительностью* (Aufforderungscharakter). Выше мы говорили о случаях, когда даже при совершенно конкретном намерении целый ряд разнообразных вещей и событий обладают побудительностью (почтовый ящик — друг). Однако эта побудительность может быть фиксирована и на предметах вполне определенного вида, как это показывает пример с бумагой.

Я вынужден ограничиться здесь лишь простым указанием на значение для забывания намерения его включенности в какую-нибудь целостность действия или в определенную личностную сферу и на значение особенностей соответствующего случая и хотел бы перейти к более подробному обсуждению третьего фактора.

3) В упомянутых выше опытах было задание, которое состояло в рисовании собственной монограммы. Испытуемые с большой регулярностью забывали подписывать свою фамилию на листах с этим заданием. Если исходить из понятия ассоциации, можно было бы скорее ожидать, что вследствие прочной связи монограммы с написанием фамилии в этом случае забывание своей подписи будет особенно редким.

Более подробный анализ показывает, что здесь имеет место своего рода *замещающее выполнение*. При прямом размышлении испытуемый едва ли мог бы, исходя из своей ситуации, прийти к выводу, что монограмма фактически служит достаточным указанием для экспериментатора на принадлежность работы определенному лицу. Подпись без особых размышлений просто «забывается». Потребность в подписи, обусловленная актом намерения, по-видимому, как-то удовлетворена этой подписью-монограммой (впрочем, в этом играют роль еще и другие факторы). Показательно, что написание монограммы уже не действует в качестве замещающего действия, если она пишется не как личная монограмма, а как выполнение «художественного» задания.

Если обратить внимание на случаи забывания в повседневной жизни, то нередко можно обнаружить, что причинами их являются такого рода замещающие действия или же частично выполненные намерения. Я приведу в качестве примера два таких случая, действительно имевших место.

Один человек постоянно забывал о том, что должен купить себе запонку для воротничка. Однажды, исключительно с этой целью, он пошел окольным путем по улице, где находятся соответствующие магазины. Радуясь, что «дело не забыто», он пришел в библиотеку и заметил, что так и не купил запонку.

Некая учительница намеревалась задать определенный вопрос своей ученице, которой она давала частные уроки. Приблизительно посередине урока учительница вспомнила об этом и порадовалась, что «это так вовремя пришло ей в голову». В конце концов, по дороге домой она вспомнила, что так и не исполнила свое намерение. (В этом случае, как и вообще в ситуациях повседневной жизни, нет, конечно, однозначного доказательства того, что действительной причиной забывания было именно замещающее выполнение намерения в виде прохождения по нужной улице или напоминания себе.)

Нередко можно наблюдать, что даже *запись* намерения, что с точки зрения ассоциации между представлениями отношения и цели скорее должно было бы привести к усилению намерения, легко ведет к его забыванию: запись действует почти как выполнение намерения, как разрядка. Человека успокаивает, что запись своевременно напомнит о намерении, и тем самым *ослабевает внутренняя потребность не забыть*. Это похоже на случай с учительницей: воспоминание о том, что нужно спросить ученицу, действует так же, как само выполнение, так что реальный вопрос так и не задается.

Наряду с этим бывают и другие случаи, когда письменная пометка, даже если ее и не видят, все же благоприятствует припоминанию намерения. Этот может зависеть, например, от того, что намеченное действие благодаря записи вступает в связь с определенной сферой личности (профессиональной сферой) или образом жизни (аккуратность), и поэтому в его осуществлении участвует вся энергия этой сферы.

4) Там, где нет никакого замещающего выполнения, забывание нередко может быть объяснено наличием естественных *противодействующих потребностей*. Даже многократно воспроизведенное намерение — написать неприятное письмо — часто оказывается невыполненным: как раз тогда, когда есть время написать письмо, об этом забывают. На это таинственное противодействие указал З.Фрейд. Разумеется, ни в коем случае нельзя всякое забывание объяснять наличием таких естественных потребностей (тем более исключительно сексуальных потребностей), но, во всяком случае для проблемы действенности намерения, центральное значение имеет следующее: *последствие намерения есть сила, которая может вступить в конфликт с потребностями и в результате этого утрачивать свою действенность*.

Мы уже указывали на положительную связь действенности намерения с реальными потребностями, из которых собственно, и вытекают намерения (ср. возобновление «серьезных» прерванных действий). Намерение забывается с различной степенью легкости в зависимости от силы тех истинных потребностей, которые побуждают к его выполнению. Так, подпись фамилии забывается несравненно реже при групповых опытах, чем при индивидуальных. Потребность отметить свою работу опознавательным знаком (если отвлечься от других факторов) при групповых опытах намного актуальнее.

Именно от этой *укорененности намерения в более общих волевых целях или естественных потребностях, а вовсе не от интенсивности акта намерения*, зависит, сможет ли оно, преодолев все препятствия, осуществиться. В исследовании забывания выяснилось также, что намерения, акт принятия которых очень интенсивен (вплоть до степени судорожного напряжения), часто обнаруживают гораздо меньшую действенность, чем исключительно спокойные акты намерения, не отягченные аффектами. Это может быть связано с тем, что вообще аффективные или судорожно напряженные действия, за некоторыми исключениями, гораздо менее «результативны», чем спокойные. Кроме того, говоря о самом акте намерения, следует обратить внимание на следующее.

Можно ли поставить вопрос: при каких обстоятельствах вообще возникает акт намерения, особенно интенсивный акт намерения? Поистине поучительная, хотя и утрирующая поговорка гласит: «Что намереваемся, то и забываем». Это значит, что *к намерению вынуждены прибегать тогда, когда нет естественной потребности в выполнении соответствующего действия*, или даже когда налицо естественная потребность противоположного характера. Если акт намерения не вытекает из реальной потребности, он сулит мало успеха. Именно тогда, когда нет настоящей потребности, ее обычно пытаются заменить «интенсивным актом намерения». (Это можно заострить до парадокса: или в намерении нет нужды, или оно сулит мало успеха.)

О.Уайльд в «Портрете Дориана Грея» констатирует: «Добрые намерения — бесполезные попытки вмешаться в законы природы. Их источник — чистая суетность, их результат — абсолютный нуль».

II. Теория преднамеренных действий

1. Возникновение квазипотребности в результате акта намерения

Опыты по забыванию намерения и особенно по возобновлению прерванных действий обнаруживают в намерении силу, действенность которой не определяется тем, действительно ли наступает представленный в акте намерения соответствующий случай, который, будучи «представлением отношения», как внешний стимул влечет за собою намеченное действие.

Скорее существует некоторый внутренний «нажим» в определенном направлении, внутреннее состояние напряжения, которое побуждает к осуществлению намерения, причём даже тогда, когда никакой предусмотренный соответствующий случай сам по себе не побуждает к действию.

На уровне переживаний это наиболее ясно обнаруживается при возобновлении прерванного действия в тех случаях, когда по окончании второго действия сначала ощущается «нажим» совершенно общего характера, типа «мне хотелось что-то еще сделать». В этом случае (подобные примеры нам часто дает повседневная жизнь) неясно даже само содержание того, что входит в намерение человека, и заметно только внутреннее напряжение как таковое. Только во второй фазе осознается еще и цель желанная. В повседневной жизни бывают и такие случаи, когда несмотря на отчетливое стремление к «чему-то» желанному, человек никак не может вспомнить, что же ему нужно. (Такие вначале неопределенные по содержанию напряжения появляются, между прочим, иногда и в тех случаях, когда наперед установленный соответствующий случай сам напоминает о намеченном действии⁵¹) Во всяком случае, выполнение намерения здесь часто начинается под влиянием внутреннего «нажима» без соответствующего случая, побуждающего к этому извне.

Можно было бы отметить, что само то обстоятельство, что по окончании второго действия в вышеприведенных опытах испытуемому больше нечего делать, и является «соответствующим случаем в собственном смысле слова». И действительно, термин «соответствующий случай» в обычном обороте речи «сделать что-нибудь при первом удобном случае» часто означает: «если будет время». Действительно, «окончание определенного действия» *может* приобрести реальную побудительность, свойственную соответствующему случаю, например, если человек намеревался по окончании какого-либо действия сделать что-то определенное.

Однако, как правило, переживание «нечего делать» нельзя рассматривать как соответствующий случай со свойственной ему побудительностью и ставить его на одну доску, например, с почтовым ящиком, побуждающим к опусканию в него письма. Ситуативное переживание «мне нечем особенно заняться» имеет значимость только благодаря тому, что когда на моторную сферу не претендует ничто другое, внутреннее напряжение, направленное на моторику, может легче прорваться наружу. (Разумеется, все будет совершенно иначе, если вслед за «нечего делать» наступит настоящая скука.)

Порожденное актом намерения состояние напряжения обычно может довольно долго никак не проявляться в осознанных переживаниях напряжения. Как правило, оно существует длительные промежутки времени, например во время прерывающего действия, в *латентном* состоянии, и однако же не становится от этого менее реальным. Это связано с психологической функцией моторики и сознания, а также с разъединением психического на относительно обособленные комплексы. Впрочем, временами и по ходу прерывающего действия случаются кратковременные прорывы этого латентного состояния напряжения в сознание в форме переживания стремления вернуться к первоначальной работе.

(а) Отсутствующие и непредусмотренные соответствующие случаи

Представление о том, что движущую силу осуществления намерения следует искать не в феномене сцепления, а во внутреннем состоянии напряжения, в направленном

---

⁵¹ См.: *Ach N. liber den Willensakt und das Temperament. Leipzig, 1910.*

нажмем изнутри, дает возможность объяснить также и другие различные случаи, упомянутые нами ранее.

Исходя из этого представления, становится понятным, почему при *отсутствии соответствующего случая* ищется другой соответствующий случай или почему тогда, когда соответствующий случай заставляет себя долго ждать, а внутренний «нажим» слишком велик, возникает преждевременная внезапная разрядка энергии.

Отсюда понятно также, почему намерение может обращаться не на заранее представленный в акте намерения соответствующий случай, а на вещи или переживания порой совершенно другого рода (почтовый ящик — друг). Состояние внутреннего напряжения разряжается, как только появляется возможность устранения или, по крайней мере, ослабления напряжения, иными словами, если налицо ситуация, при которой чувствуется возможность действия в направлении определенной цели.

(б) Затухание психических сил при осуществлении или замещающем осуществлении намерения

Если главной причиной выполнения действия считать не сцепление, а наличие внутреннего напряжения, отсюда также естественно вытекает тот факт, что побудительность, присущая предусмотренному соответствующему случаю (например, почтовому ящику), обычно затухает, как только намеченное действие осуществилось. Это относится также и к тому крайнему варианту, когда действительность представленного в сознании соответствующего случая исчезла еще до его наступления, поскольку еще раньше внутреннее напряжение разрядилось в результате «замещающего осуществления».

Таким образом, силы, действующие при акте намерения, обнаруживают далеко идущее типическое сходство с теми психическими силами, которые обычно обозначаются как *потребности* и которые берут свое начало во влечениях или в центральных волевых устремлениях (типа желания получить определенную профессию).

(в) Параллельные проявления истинных потребностей и квазипотребностей

1. Истинные потребности и естественные побудители

В случае *инстинктивных потребностей* (например, голода), мы также имеем дело с внутренними напряжениями, «нажимом» в определенном направлении, который побуждает к известным действиям — к действиям по удовлетворению потребности. С другой стороны, и здесь существенную роль играют определенные «соответствующие случаи», и тоже имеются известные вещи или события, которые привлекают человека, то есть обладают *побудительностью*.

То, что дано нам психологически как окружающая среда, не есть сумма зрительных, слуховых и тактильных ощущений; напротив, мы видим перед собой целостные вещи и события⁵². Понимание этого факта проникало в психологию лишь постепенно. Этим вещам и событиям с давних пор приписывалась определенная эмоциональная окраска: они нам приятны или неприятны, вызывают у нас удовольствие или неудовольствие.

В добавление к этому необходимо подчеркнуть ту старую идею, что вещи и события окружающего нас мира отнюдь не нейтральны для нас как *действующих* существ. И дело не только в том, что их собственная природа создает большие или меньшие затруднения для нашей деятельности или же благоприятствует ей, но еще и в том, что многие вещи или события, с которыми мы встречаемся, проявляют по отношению к нам более или менее определенную волю, *побуждают нас к определенным действиям*. Хорошая погода и

---

⁵² См., например, подробные рассуждения на эту тему у: Katz. Die Erscheinungsweisen der Farben // Zeitschrift für Psychologie 19II. Ergänzungsband 7.

определенный ландшафт зовут нас на прогулку. Ступеньки лестницы побуждают двухлетнего ребенка подниматься и спускаться; двери — открывать и закрывать их, мелкие крошки — подбирать их, собака — ласкать, ящик с кубиками побуждает к игре, шоколад или кусок пирожного «хочет», чтобы его съели. Здесь не место подробно останавливаться на сущности этой «побудительности» вещей и событий, ее видах и функциях. Следует указать лишь на некоторые ее основные особенности. Причем мы можем пока оставить совершенно открытым вопрос о том, какую роль во всем этом играют опыт и привычка.

Сила требований, исходящих к нам от вещей и событий, очень различна. Начиная от «неодолимого влечения», которому без размышления подчиняются ребенок и взрослый и которому невозможно или почти невозможно сопротивляться, существует масса промежуточных ступеней «требовательности», вплоть до слабой степени «приглашения», то есть притягательности, которой легко противостоять и которая заметна только тогда, когда человек и так ищет, чем бы ему заняться. Термин «побудительность» должен охватывать все эти ступени.

Можно различать *позитивную* и *негативную* побудительность в соответствии с тем, что одни вещи нас притягивают (например, прекрасный концерт, интересный человек, красивая женщина), а другие отталкивают (неприятности, опасность). Это подразделение обоснованно, поскольку побудителям первой группы присуще свойство побуждать к *приближению*, второй — к *удалению* от соответствующих вещей и событий. Но было бы ошибкой видеть в этом их существенное свойство. Скорее характерно то, что эти побудители толкают к определенным более или менее узко очерченным *действиям*, и что эти действия даже для одних только позитивных побудителей могут быть чрезвычайно различными. Книга влечет к чтению, пирожное — к еде, озеро — к плаванию, зеркало зовет смотреться в него, запутанная ситуация — разобраться в ней.

Побудительность того или иного объекта *ни в коем случае* не должна быть всегда *постоянной*, напротив, она в значительной степени зависит от внутренней и внешней *ситуации*, в которой находится человек. Изучение этих изменений дает нам, помимо всего прочего, возможность более детально разобраться в сущности феномена побудительности предметов.

В определенных основополагающих случаях значение обладающих побудительностью объектов достаточно прозрачно — вещи, обладающие побудительностью, суть *прямые средства к удовлетворению потребностей* (пирожное, концерт, если только на него идут слушать, а не себя показывать и т.п.). Здесь можно говорить об *автономной побудительности*.

Наряду с этим, побудительностью могут обладать вещи и события, которые в силу определенной ситуации стоят в известном отношении к такого рода реальным средствам удовлетворения потребностей, например, если с их помощью возможность удовлетворения потребности становится ближе. Они имеют лишь *сиюминутное* значение средств для достижения цели. Другие случаи *такой производной побудительности* представляют собою пространственно-временное «расширение» объекта с самостоятельной побудительностью: само жилище, улица, и даже город, в котором живет возлюбленная, могут приобретать побудительность. Переходы между этими двумя видами побудительности (первичной и производной), естественно, подвижны и само понятие автономности здесь весьма относительно.

Побудительность объекта может сильно изменяться в зависимости от того, в какое *целостное действие* включен данный объект или событие: зеркало, которое привлекло испытуемого и побудило его осмотреть свою прическу и костюм, становится нейтральным «инструментом», как только тот же испытуемый получает задание, в котором необходимо

использовать зеркало⁵³. Подобного же рода превращения, но гораздо более сильные, претерпевает на войне окружающий человека ландшафт в момент сражения⁵⁴.

Помимо превращений, зависящих от господствующего в данный момент процесса деятельности, можно наблюдать еще и другие изменения побудительности объектов. Лакомый кусок, который еще недавно был источником сильного притяжения, становится нейтральным, как только человек *насытился*. При *пресыщении* обычно появляется даже побудительность с противоположным знаком: то, что еще недавно привлекало, теперь отталкивает. Пресыщение может даже привести к фиксации этой отрицательной побудительности на длительный срок (к любимому некогда блюду, из-за которого был испорчен желудок, иногда не прикасаются годами). Во всяком случае, для такого рода побудительности типичны ритмические подъемы и спады в соответствии с периодическими подъемами и спадами соответствующих потребностей.

Некоторые побудительности изменяются на протяжении более длительных отрезков времени — по мере *развития индивида* от младенчества к детству, потом к юности, зрелости и старости. Они меняются в соответствии с возрастными изменениями потребностей и интересов и играют фундаментальную роль в процессе развития, поскольку развитие «способностей» индивида в смысле возможностей осуществлять те или иные действия (например, пользоваться речью, успешно выполнять интеллектуальные задания) зависит не только от имеющихся «природных задатков», но определяется еще и тем, с какой силой и в каком направлении действуют такого рода «склонности» в качестве движущих сил психических процессов.

Эти изменения, исследования которых только начаты⁵⁵, обнаруживают, по-видимому, известное родство с теми изменениями побудительности, которые наступают при изменении *общих волевых целей*, значимых для данного человека.

В качестве примера такого рода общих волевых целей можно назвать желание посвятить себя той или иной профессии. С момента принятия решения приобрести определенную профессию многие до того нейтральные вещи получают позитивную или негативную побудительность⁵⁶, и многое, что на первый взгляд кажется «природной», врожденной склонностью или «природным» нерасположением — например, предпочтение определенной работы, тенденция к аккуратности и точности или к работе монотонного характера, — все это может быть выведено из профессиональных целей индивида.

И действительно, мир существенно изменяется для человека, если меняются его основные волевые цели. Это относится не только к глубоким переворотам, которые несут с собой решение добровольно уйти из жизни или переменить профессию, но ясно обнаруживается и при временных отказах от привычных волевых установок, как например во время праздников или каникул. Давно привычные вещи могут в этом случае внезапно начать выглядеть по-иному. То, что сотни раз оставалось без внимания, становится интересным, а важные профессиональные дела — безразличными.

Это нередко удивительное для самого субъекта превращение положительных или отрицательных побудительностей в безразличные нередко описывалось поэтами, преимущественно в любовном контексте. Нередко такие изменения побудительности выступают как *первые* признаки изменения внутренней ситуации, еще до того, как сам человек заметит внутренние изменения собственных склонностей. Наличие или отсутствие изменений побудительности часто можно использовать как критерий того, что какое-либо решение (например, «начать новую жизнь в той или иной области») не только

---

⁵³ Пример взят из опытов доктора Френкеля (Frankel).

⁵⁴ Левин К. Военный ландшафт. <См. наст. изд. С. 87-93.>. См. также: Giese F. Handbuch der psychotechnischen Eignungsprüfung. Halle, 1925.

⁵⁵ Spranger E. Psychologie des Jugendalters. Leipzig, 1924; Buhler Ch. Das Seelenleben des Jugendlichen. Jena, 1922; Lau E. Beiträge zur Psychologie der Jugend in der Pubertätszeit. Langensalza, 1924.

⁵⁶ См.: Lau E. Ibidem.

на словах, но и в *действительности* внутренне принято (оно не только выступило в переживании, но и стало психологически действенным динамическим фактором). Особенно далеко идущие и временами очень резкие превращения этого рода имеют место при «обращениях» («преследуй то, чему ты молился, и молись тому, что ты преследовал»).

Зависимость побудительности объектов от такого рода общих волевых целей в основном имеет такую же структуру, что и в случае более конкретной цели единичного действия.

Из этих кратких замечаний можно, во всяком случае, уяснить следующее: естественная побудительность находится в тесной связи с определенными склонностями и потребностями, которые отчасти можно свести к так называемым «влечениям», отчасти к более или менее общим центральным волевым целям. *В известной степени выражения «имеется такая-то и такая-то потребность» и «такой-то и такой-то круг объектов обладает побудительностью к таким-то и таким-то действиям» эквивалентны.* И всякому изменению потребностей всегда соответствует изменение побудительностей.

2. Проявление истинных потребностей и квазипотребностей

Отношение между истинными потребностями и естественной побудительностью вовсе не следует понимать так, что определенной потребности раз и навсегда можно поставить в соответствие совершенно определенные объекты с соответствующей побудительностью. Для новых потребностей, еще не часто удовлетворявшихся (особенно для потребностей до их первого настоящего удовлетворения), характерно весьма *широкое поле возможных побудителей*. Для систематического изучения, например, сексуальных и эротических склонностей, нужно подвергать систематическому изучению как основной случай не те стадии, когда уже установилась жесткая фиксация на одном или немногих определенных лицах и конкретизировался способ деятельности удовлетворения, а те стадии, на которых склонность еще остается несравненно более диффузной, а круг побудителей несравненно более широким и неопределенным⁵⁷. Впрочем, процесс развития не всегда идет от диффузной стадии к дифференцированной и четко определенной. Наоборот, существует процесс расширения первоначально узкой и конкретной склонности. Бывают, например, случаи, когда полуторагодовалый ребенок первоначально любит открывать и закрывать лишь определенный футлярчик для часов и только постепенно переходит к открыванию и закрыванию дверей, шкапулов и выдвижных ящиков. Также и в области тех потребностей, где имеется какая-либо общая волевая цель (например, в области профессиональных устремлений), часто бывают случаи, когда фаза неопределенности лишь постепенно сменяется конкретизацией и упрочением целей (впрочем, и с самого начала *может* быть налицо чрезвычайно конкретная цель).

При таких относительно диффузных потребностях, связанных с влечениями или центральными волевыми целями, что именно будет действовать как побудитель и какие действия будут выполняться, во многом зависит от *ситуации*. Например, потребность «продвинуться в профессиональной жизни» содержит мало или вовсе не содержит каких бы то ни было общих тенденций «за» или «против» *определенных* видов исполнительных действий. С точки зрения этой потребности остается неопределенным, должен ли человек писать или звонить по телефону, должен ли он вообще выполнить действие *а* или же совершенно другое действие *б*. Даже те работы, выполнение которых обычно считается «ниже профессионального достоинства» и от которых обычно стараются уклониться (например, разборка писем секретаршей), при определенных профессиональных ситуациях могут охотно выполняться в качестве почетных заданий (возьмем случай, когда секретарша избрана как доверенное лицо для разборки особо секретных бумаг). Таким

---

⁵⁷ *Allesch*. Bericht über die drei ersten Lebensmonate eines Schimpansen // Sitzungsberichte der preußischen Akademie der Wissenschaften. 1921. S. 672 f.

образом, одинаковые по содержанию действия в зависимости от их назначения в общей целостности профессиональной деятельности, могут считаться то желательными, то недопустимыми. И даже в случае довольно точной конкретизации и фиксации потребностей остается известный, обычно немалый диапазон возможных побудителей, фактическое появление которых зависит только от конкретной ситуации.

Мы сталкиваемся здесь с совершенно теми же соотношениями, какие мы обнаружили при исследовании намерений. И в случае намерений также вполне возможна значительная неопределенность соответствующих случаев и осуществляющих намерение действий. И для намерений также оказывается, что даже при точном установлении в самом акте намерения определенных соответствующих случаев, все же остается известный простор для побудителей, которые могут запустить осуществление этого намерения.

Такая *параллель между действием истинной потребности и последствием намерения* обнаруживается в целом ряде существенных пунктов, о которых мы будем говорить впоследствии; она и побуждает нас говорить применительно к намерению о наличии *квазипотребности*.

Как истинные потребности, так и последствие намерения проявляются типически в том, что определенные вещи или события обнаруживают *побудительность*, контакт с которой влечет за собой тенденцию к определенным действиям.

Однако в обоих этих случаях связь между побудителем и действием нельзя понимать так, что их сочетание является причиной действия. В случае потребностей, вытекающих из влечений, энергия действия, при всей значимости внешних стимулов, в основном также имеет своим источником определенные *внутренние напряжения*. Там, где средства и соответствующие случаи для удовлетворения потребностей не идут навстречу извне, их начинают *активно искать*, аналогично тому, как мы рассматривали это при анализе действительности намерения.

В противовес этому можно было бы указать на так называемые привычки. И действительно, популярная психология — до недавнего времени то же относилось и к научной психологии — обычно рассматривает привычку, понимаемую как сочетание соответствующих случаев и действий, в качестве источника энергии для привычных действий. Примером такой привычки считается то, что люди принимают пищу в определенное время дня и не всегда в силу голода. Однако на основании новых экспериментальных данных⁵⁸ подобные случаи можно объяснить тем, что соответствующее действие включено в качестве несамостоятельной составной части в более глобальный комплекс деятельности, например «в распорядок дня» или «жизненный уклад», так что энергия — движущая сила этого процесса — теперь уже черпается из других потребностных источников. При такого рода привычных действиях, как и при специальной фиксации, структура движущих сил кажется мне в конечном итоге достаточно ясной: *при всем значении внешних побудителей в случае потребностей мы имеем дело в сущности с состояниями напряжения, которые направлены на удовлетворение соответствующих потребностей*. Удовлетворение влечет за собой устранение состояния напряжения и может быть описано как психическое «насыщение».

В результате такого *насыщения* известный круг объектов и событий теряет ту побудительность, которую они имели до удовлетворения потребности (в «состоянии голода»); они становятся нейтральными. Здесь обнаруживается процесс, совершенно аналогичный упомянутому выше «завершению» преднамеренного действия, где точно так же объекты, которые первоначально обладали побудительностью, внезапно становятся нейтральными. Этот основной феномен действительности намерения, который едва ли можно объяснить теорией сцепления без привлечения сложных вспомогательных теорий, становится понятным, если рассматривать образование намерения как возникновение

---

⁵⁸ Lewin K. Der Begriff der Genese in Physik, Biologie und Entwicklungsgeschichte. Berlin, 1922; Sigmar. Über die Hemmung bei der Realisation eines Willensaktes // Archive für die gesamte Psychologie. 1925. 52.

квазипотребности и, соответственно, видеть в *осуществлении намерения «удовлетворение» и насыщение этой квазипотребности.*

И действительно, переживание *удовлетворенности* после завершения действия есть чрезвычайно частое явление, типичное даже для экспериментальных исследований.

Еще сильнее, чем феноменальное родство, подкрепляет этот тезис о родственности истинных потребностей и квазипотребностей то, что из него можно динамически объяснить действенность намерения и вывести его особенности.

Если наличие латентного состояния напряжения, побуждающего к его устранению (удовлетворению), принять как нечто первичное, то в самом деле, не только представленный в акте намерения, но и *всякий по своей сути подходящий соответствующий случай* (если он психологически существует для человека и не парализован противодействующими силами) должен актуализировать действие намерения. Если же соответствующий случай не подворачивается, то так же, как и в случае инстинктивных потребностей и прочих истинных потребностей, в силу латентного состояния напряжения начинается его *активный поиск*. Если же напряжение слишком велико, то в этом, как и в том случае, нередко возникают нецелесообразные действия типа *«преждевременной суеты»*.

Истинные потребности и квазипотребности обнаруживают также далеко идущее сходство и в отношении феномена побудительности. (Поскольку последующие данные основаны только на наблюдениях повседневной жизни, они настоятельно требуют экспериментального исследования, а до тех пор могут рассматриваться лишь как предварительные.)

С ростом интенсивности истинных потребностей круг их побудителей обычно расширяется. В случае чрезвычайного голода вещи, которые при других обстоятельствах воспринимаются как несъедобные или даже отвратительные, обычно приобретают позитивную побудительность. В конце концов начинают есть землю и нередко становится возможной даже антропофагия. (В этом случае отчасти действуют, подчиняясь нужде, с внутренним отвращением, однако отчасти изменяется и феноменальная побудительность.) Даже при менее экстремальных состояниях напряжения становится заметным это расширение круга побудителей параллельно росту силы потребностей⁵⁹. То же относится и к так называемым духовным потребностям: «сытый буржуа», пресыщенный юноша. Соответствующие факты можно наблюдать и в случае квазипотребностей. Диапазон не предусмотренных в акте намерения соответствующих случаев, на которые также направляется намерение, обычно тем больше, чем сильнее создаваемое намерением состояние напряжения. Если речь идет о важном письме, от быстрой отправки которого многое зависит, то посещение друга или какая-либо другая возможность скорее, как правило, привлечет к себе наше внимание, чем когда дело касается безразличного письма. (Мы еще вернемся к исключениям, которые связаны с природой напряженно-судорожных действий.)

3. Фиксация при истинных потребностях и квазипотребностях

К наиболее существенным явлениям, касающимся отношения побудительностей и истинных потребностей, относится факт фиксации. Круг побудителей иногда оказывается чрезвычайно суженным по сравнению с кругом подходящих вещей и событий «самих по себе».

Например, девочка, у которой много кукол, постоянно желает играть лишь с одной из них или во всяком случае выделяет ее несравненно больше других. Ребенок утверждает, что «она всегда послушна», «никогда не говорит неправды» и даже будучи сломанной так, что другие куклы на ее месте сразу были бы заброшены, она по-прежнему

---

⁵⁹ См.: Katz, Toll. Die Messung von Charakter und Begabungsunterschieden bei Tieren // Zeitschrift für Psychologie 93.

вызывает любовь больше других. (Я не имею здесь в виду те случаи, когда кукла становится предметом особых забот именно вследствие своей поврежденности.)

Фиксация на *определенных* побудителях и на *определенных* способах удовлетворения играет большую и очень значимую роль в психической жизни. Хорошо известно, какой прочной может быть фиксация на том или ином человеке, профессии, работе и т.д. во всех областях истинных потребностей, как радикально она может исключать все остальные и как зачастую трудно бывает эту фиксацию ослабить.

Такая фиксация может приводить к тому, что соответствующие объекты приобретают особенно сильную побудительность, а сама она оказывается наделена определенной *исключающей функцией*: другие объекты полностью или частично теряют из-за нее свою побудительность. То же самое относится и к фиксации на определенных вариантах действия удовлетворения.

Нечто совершенно аналогичное можно наблюдать и при квазипотребностях. Представление определенного соответствующего случая в акте намерения может обладать известным фиксирующим значением; оно может сузить круг соответствующих случаев, исключив те, по существу также подходящие случаи, на которые могло бы быть ориентировано намерение, будь оно менее специализированно. То же относится и к действиям осуществления намерений. При заранее запланированном разговоре, но при отсутствии специального намерения привести совершенно определенные аргументы, выбираются аргументы, соответствующие ситуации и потому целесообразные. Специальный же подбор конкретных аргументов накануне беседы нередко влечет за собой совершенно неподходящие к данной ситуации высказывания.

Однако фиксация как при истинных потребностях, так и при квазипотребностях, как правило, *не является* полностью исключающей. Обычно наряду с фиксированным побудителем наличествует известный круг и других побудителей, особенно в том случае, если «нажим» истинной потребности или квазипотребности слишком велик.

В случае истинных потребностей обычно особое значение для фиксации имеют случай и способ *первого удовлетворения* (первая любовь). Это же относится и к намерениям, побуждающим к повторяющимся действиям. Если, например, перед первым осуществлением намерения вопрос о соответствующем случае оставался открытым и были возможны многие соответствующие случаи, то впоследствии тот вид соответствующего случая, на который в первый раз оказалось направлено намерение, приобретает особую значимость. Все это относится и к первому способу осуществления намерения, приведшему к успеху⁶⁰, и имеет немаловажное значение для так называемых процессов упражнения.

Для процесса «упражнения», который отнюдь не представляет собой психологически простого акта⁶¹, вообще имеют громадное значение побудители и их превращения. При всяком освоении какой-нибудь деятельности (например, работы на токарном станке), многое теряет свою естественную побудительность: колеса и механические процессы, которые первоначально из-за их величины или внезапности начала работы вызывали испуг, становятся безразличными. Наоборот, другие, первоначально не привлекавшие внимания детали и процессы после их включения в новую целостность приобретают отчетливо выраженную побудительность.

При повторном выполнении действий, обусловленных намерением, часто рука об руку с упрочением определенных видов выполнения идет процесс, который нередко называют «автоматизацией». Общее течение процесса становится более жестким, безжизненным. Квазипотребность в первых и в более поздних повторях соотносится

---

⁶⁰ Так могут возникать «латентные установки», то есть готовности к деятельности (*Koffka K. Zur Analyse der Vorstellungen und ihrer Gesetze. Leipzig, 1912.*)

⁶¹ *Lewin K. Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Association II // Psychologische Forschung. 1922. 2. S. 124; Blumenfeld. Das Suchen von Zahlen im begrenzten ebenen Felde und das Problem der Abstraktion // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1925. 26.*

приблизительно так же, как молодой организм и старый: совокупность возможностей, через которые можно определить квазипотребность каузально-генетически, вначале существует и фактически; потребность направляется на самые разнообразные соответствующие случаи и обнаруживает большую *способность приноравливать* способ выполнения к наличной *ситуации*. Напротив, при последующих повторях *способ выполнения* становится *относительно застывшим*; под влиянием исторических факторов область возможных способов поведения становится ограниченной. (Но, как уже было замечено, по-видимому бывают случаи, когда фиксация происходит уже с первого раза.)

Рука об руку с этим «окостенением», как правило, идет *автономизация процесса* удовлетворения истинной потребности или квазипотребности, возможно даже являющаяся его необходимой предпосылкой. Возникает относительно самостоятельный особый организм, который действует без обязательного управления со стороны целостной личности и коммуникация которого с остальными истинными потребностями и квазипотребностями ограничена в динамическом отношении.

Как на экспериментальный пример этого можно указать на опыты по измерению воли⁶². Здесь характер процесса, в частности возникновение запрограммированных ошибочных реакций (первичные ошибки), лишь очень косвенно зависит от лежащих в его основе потребностей, однако зависит в основном от конкретных способов выполнения. Не наличие определенной квазипотребности, а наличие совершенно определенной «*готовности к деятельности*», которая уже включает в себя строго *определенный* способ выполнения, имеет *здесь* решающее значение для того, появится или нет привычная ошибка.

Во всяком случае, источником энергии и при таких «окостеневших» квазипотребностях остается сама квазипотребность или лежащая в ее основе истинная потребность.

И тогда, когда определенные побудители и исполнительные действия *устанавливаются* самим актом намерения, и тогда, когда они складываются в процессе первого выполнения намерения, — в обоих случаях мы имеем дело с процессом, обнаруживающим теснейшее родство с процессом *фиксации* истинных потребностей. Напротив, этот процесс в существенных моментах отличается от *ассоциации*, как она выступает, например, при заучивании наизусть слов или при ином «изменении состава знания»⁶³.

При этом совершенно безразлично, имеется ли в виду ассоциация между соответствующим случаем и выполнением или ассоциация между соответствующим случаем и побудительностью, которую он приобретает благодаря намерению. В противоположность последнему следует, собственно, указать, что побудительность вещи не более, чем ее пространственная форма, может рассматриваться в качестве самостоятельного, второго психического образования, которое вступает в связь с вещью или событием, хотя во многих случаях побудительность меняется сильнее, чем пространственная форма вещи. Скорее, побудительность является по меньшей мере такой же сущностной характеристикой вещи, как и ее пространственная форма. Поэтому необходимо, если мы хотим избежать недоразумения в этом вопросе, говорить не об изменении побудительности вещи, а о существовании *различных*, только пространственно или по внешнему виду одинаковых объектов. Ведь объект, побудительность которого изменилась в результате смены ситуации (почтовый ящик до и после опускания в него письма), психологически *является* другим объектом.

Возможность воспроизведения, характерная для ассоциации, обычно возникает по отношению к «составу знания» именно путем *многократных повторных воспроизведений*. И в соответствии с законами ассоциации эта возможность должна усиливаться. Однако имевшаяся ранее побудительность вещи или события (например, почтового ящика)

⁶² См.: Ach N. Über den Willensakt und das Temperament. Leipzig, 1910; Lewin K. Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Association II // Psychologische Forschung. 1922. 2.

⁶³ Selz O. Die Gesetze des geordneten Denkverlaufs. Stuttgart, 1931; а также: Idem. Zur Psychologie des produktiven Denkens und des Irrtums. Cohen, Bonn, 1922; Lewin K. Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Association II // Psychologische Forschung. 1922. 2. S. 135.

обычно, как было упомянуто, угасает при осуществлении соответствующего действия. Аналогичные данные получены и в экспериментах по фиксации побудительности через выполнение преднамеренных действий. Объекты, которые приобрели побудительность в результате первого осуществления действия, именно *вследствие повторного выполнения* преднамеренного действия ее вновь *теряют*⁶⁴.

Определенная трудность для нашего понимания лежит, по-видимому, прежде всего в следующем обстоятельстве. Мы видели, что с окончанием преднамеренного действия, а следовательно, с насыщением квазипотребности, побудительность, как правило, исчезает — в соответствии с тем обстоятельством, что больше нет никакого реального напряжения, которое побуждало бы к действию осуществления намерения. Между тем наблюдения повседневной жизни говорят о том, что *иногда* такого рода побудительность *продолжает сохраняться*, по крайней мере некоторое время, и после окончания действия. Может случиться, что хотя письмо и было брошено в почтовый ящик, при встрече с новым почтовым ящиком все еще сохраняется какой-то мимолетный позыв бросить в него письмо.

Существует, в принципе, вероятность, что здесь мы имеем дело, так сказать, с контрпримером, противоречащим тем случаям, которые будут сейчас рассмотрены и в которых *замещающее удовлетворение* влечет за собою забывание того действия, которое, собственно, предстояло совершить (см. выше). По каким-то причинам опускание письма в этом случае хотя объективно и приводит к желаемому результату, *психологически*, однако, не срабатывает как действие удовлетворения в собственном смысле или не устраняет, по крайней мере полностью, напряжение, свойственное квазипотребности. Дело же заключается именно в устранении этого напряжения, а не в самом по себе внешнем действии.

Тот же вопрос стоит и по отношению к побудителям, связанным с истинными потребностями.

Если маленький ребенок не хочет принимать пищу, бывает достаточно без какого-либо принуждения просто поднести ложку к его рту, чтобы побудить его съесть ее. Позднее этой непосредственной побудительности, которой он подчинялся как бы импульсивно, начинает противостоять большая способность управлять своими действиями: он закрывает рот, отворачивает голову и т.п. В таких случаях можно снова добиться первоначального эффекта — стоит только отвлечь ребенка, занять его как-нибудь в другом отношении (с ребенком постарше не поможет и этот ход).

В этом явлении существенны два факта. Во-первых, побудительность объекта становится *значительно действеннее*, если на него *обращено меньше «внимания»*. Больше «внимание» приводит здесь к тому, что «стимул» (побудительность) действует менее непосредственно. Мы понимаем это на первый взгляд парадоксальное положение так: в случае отвлечения силы поля, благодаря меньшему контролю, действуют более непосредственно.

Впрочем, в случае отвлечения ситуация еще сложнее, так как здесь одновременно необходимо принять во внимание еще и негативную побудительность того, что лежит в тарелке.

Далее, поднесение наполненной ложки ко рту ребенка обладает для него побудительностью даже в ситуации, когда ребенок не любит предлагаемую пищу. Популярная психология свела бы это явление к «привычке», каковым термином вообще нередко обозначают эффект фиксации. В действительности, поскольку нет никакой потребности в соответствующей пище, то побудительность должна исходить от ложки как таковой или от ее поднесения ко рту в этой ситуации. Побудительность здесь становится,

---

⁶⁴ Подробное изложение опытов приводится в более полной журнальной публикации данной работы: Lewin K. Vorsatz, Wille und Bedürfnis. Mit Vorbemerkungen über die psychischen Kräfte und Energien und die Struktur der Seele // Psychologische Forschung. 1926. 7 (4). S. 262 ff. См. также: Schwarz G. Über Rückfalligkeit bei Umgewöhnung. I // Psychologische Forschung. 1927. 9. S. 86-158.

по-видимому, действенной без наличия потребности в этот момент. Подобные случаи хорошо известны в повседневной жизни, когда человек делает что-то почти через силу, хотя при других обстоятельствах сделал бы это охотно.

Впрочем, здесь следует задать вопрос, нет ли в таких случаях каких-либо истинных потребностей или квазипотребностей, побуждающих к соответствующим действиям, даже при отсутствии главной потребности. Действительно, можно допустить, что здесь, например, играют роль те стоящие между истинными потребностями и квазипотребностями напряжения, которые связаны с общими волевыми целями, охватывающими течение нашей повседневной жизни — встать, одеться, обедать, идти спать и т.д. В пользу этого говорит и то, что подобная побудительность обычно в состоянии только короткое время противостоять противоположным потребностям, а в длительной перспективе влечет за собой определенные изменения «жизненного уклада».

Однако следует также спросить, подходят ли действительно эти объяснения ко всем случаям, или же при некоторых обстоятельствах (прежде всего в случае фиксации) побудительность как таковая может сохраняться и после насыщения квазипотребности. Ответ на этот вопрос можно найти только путем экспериментального анализа.

Наши замечания относительно явлений фиксации при истинных и квазипотребностях не претендуют на исчерпывающую теорию фиксации, тем более, что фиксации играют в психической жизни значительную роль. К тому же мы ни в коем случае не утверждаем, что собственно феномены сцепления никак не участвуют в образовании фиксации.

Скорее мы довольствуемся здесь несколькими основными положениями: исключительная *фиксация* побудительности на вполне *определённом* соответствующем случае так же, как и точное определение способа выполнения, должна быть включена как *особый* случай в широкую область тех явлений, где побудительность свойственна более широкому кругу событий и объектов. С точки зрения теории квазипотребности и вопреки общеупотребительному пониманию, случаи без такой конкретной фиксации, значительно ограничивающей действенность остальных соответствующих по своему содержанию случаев, служат более чистыми примерами основного процесса намерения. Источниками энергии нужно признать лежащие в основе истинные потребности и квазипотребности. По крайней мере, в значительной степени с ними связаны также и фиксированные побудительности. Сама фиксация — не источник процесса, она только предписывает ему формы или предопределяет соответствующие случаи. И если действительно рассматривать представление определённого соответствующего случая и способа осуществления действия как феномен сцепления, его по существу следует понимать не по аналогии с сочетанием слов или других познавательных содержаний, но как фиксацию побудительности на определённом соответствующем случае.

4. Замещающее выполнение

Если источником преднамеренного действия является не сочетание между соответствующим случаем и выполнением, а наличие квазипотребности, вытекающей из намерения, то сами собой становятся понятными основные аспекты проблемы *замещающего выполнения* намерения.

Истинным потребностям также присуще замещающее удовлетворение. Существует целый ряд различных видов замещающих действий, причем аналогичных для истинных и квазипотребностей. Различия этих разнообразных видов иногда поистине глубоки. Однако их нелегко определить понятийно, к тому же существуют разные переходные ступени и смешанные типы. Мы используем термин *замещающее выполнение* для всех этих видов, то есть в довольно поверхностном значении, и в пределах данной работы вынуждены ограничиться лишь названием некоторых главных типов, не имея при этом возможности обстоятельно обсудить все возникающие при этом вопросы.

1. Измененное в соответствии с ситуацией, но содержательно эквивалентное, короче, *«сообразное ситуации выполнение»*. Пример: вместо того, чтобы, согласно первоначальному намерению, самому опустить письмо в почтовый ящик, его отправляют

через друга. Здесь, собственно говоря, нет никакого замещающего осуществления. Лишь выполнение действия протекает иначе, чем было задумано первоначально. Мы видели, что этот случай считается по существу нормальным постольку, поскольку истинные потребности и квазипотребности обычно оставляют открытыми способы своего осуществления. Для теории квазипотребностей этот вид замещающего выполнения не представляет не только никакой трудности, но даже и особого своеобразия (хотя подобные случаи трудны для понимания, если исходить из теории сцепления): цель исходной потребности на деле достигнута. *В результате действия выполнения напряжение устранено* (квазипотребность насыщена), а вместе с этим исчезает и побудительность. Как уже много раз указывалось, то же самое верно и для истинных потребностей.

2. *Выполнение «pars pro toto»⁶⁵*. Пример: вместо того, чтобы купить какой-нибудь предмет, человек довольствуется тем, что идет по нужной для этого улице или лишь отмечает намерение в записной книжке. Осуществление действия идет «*в направлении*» первоначальной цели, затем, по-видимому, тормозится. Однако динамические эффекты, столь типичные в других случаях для незаконченных действий, здесь не выявляются. Напротив, напряжение потребности еще до реального завершения действия несоразмерно резко спадает. Окончательное выполнение намерения, к примеру, забывается. (См. приведенный ниже пример с роялем.) Иногда здесь, по-видимому, появляется своеобразное переживание удовлетворенности после частичного выполнения, смешанное с виной из-за отсутствия окончательного выполнения.

В известном смысле ближе к первому типу, но, с другой стороны, скорее к третьему (к нему мы сейчас перейдем), стоят следующие случаи: возобновление незаконченной деятельности (записать стихи) не происходит, так как начато другое действие (рисунок, иллюстрирующий сюжет стихотворения), которое хотя и не ведет к той же самой цели, но происходит из той же самой потребности и снимает соответствующее напряжение.

3. *Ненастоящее выполнение, видимость, тень выполнения и родственное ему суррогатное выполнение*. Пример: поскольку не удастся набросить кольцо на определенную бутылочку, то его набрасывают на ту, которую легче достать или на более близкий крюк (из опытов нашей сотрудницы Т.Дембо). Здесь нет действия в направлении действительной цели; к настоящей цели не приближаются ни на шаг, но осуществляемое действие в каком-то отношении сходно с тем, которое намеревались осуществить, принадлежит к *идентичному* типу. В результате сразу возникает известное удовлетворение. Но обычно оно непродолжительно и снова уступает свое место первоначальной потребности. Подобного рода случаи относительно легко могут быть вызваны экспериментально, например, в варианте отклоняющихся действий при выполнении трудных задач.

Возникает важный вопрос, подробно рассмотреть который здесь нет возможности: как может быть, что напряжения потребностей влекут к действиям, которые вовсе не лежат на пути к удовлетворению этих потребностей? В данном случае нас не может удовлетворить предположение, что здесь есть лишь тенденция хоть что-нибудь сделать (как в случае аффективных беспорядочных действий). Можно было бы предположить «расширение» первоначальной потребности на идентичные действия; или же что замещающая деятельность доставляет действительное удовлетворение исходной потребности (на основе «идентичности» действия выполнения) и возможное при этом дальнейшее существование потребности означает ее повторное возникновение на основе все еще имеющегося стимула (побудительности). (Возможны и другие теории. Здесь очевидна связь с очень дезориентирующим понятием «символа» в школе Фрейда.)

«*Суррогатные удовлетворения*» часто наступают и при потребностях, связанных с влечениями и центральными волевыми целями, если действия, ведущие к действительному удовлетворению, наталкиваются на трудности; в таких случаях «до-

---

⁶⁵ часть вместо целого (лат.)

вольствуются малым» и умеряют свои притязания. При этом могут иметь место все промежуточные ступени, начиная от почти полноценного удовлетворения и кончая простой видимостью или тенью удовлетворения. Там, где человек хотел бы приказывать, но в действительности не имеет возможности распоряжаться, он нередко согласен быть простым соучастником, «хоть быть при этом». Мальчик, не смеющий дать сигнала к отправлению поезда, по крайней мере кричит начальнику станции: «Поезд отправляется». Воспитанник детского дома вместо действительного желания вырваться из своего заведения страстно желает приобрести чемодан. Студент, не имеющий возможности из-за недостатка денег приобрести рояль, начинает коллекционировать каталоги роялей.

В случаях, подобных последнему примеру, действия могут значительно обособиться и породить подлинные «суррогатные потребности». (Здесь стоило бы обсудить понятие «сублимации».)

4. *Скрытое мнимое выполнение.* В приведенном выше примере набрасывания колец на бутылки место второй замещающей бутылки может занять игрушечный медвежонок или что-нибудь другое в этом роде. Сам тип действия может тоже внешне так сильно видоизмениться, что его с трудом можно узнать. Такое действие может появиться, например, тогда, когда ситуация требует скрыть замещающее действие, скажем, когда человек стесняется.

Кроме величины напряжения, связанного с данной потребностью, важна и *общая степень удовлетворенности или неудовлетворенности испытываемого*. Это показали упомянутые выше опыты с забыванием: подпись легче забывается, если испытуемый находится в состоянии особой удовлетворенности своими предшествовавшими достижениями.

Таким образом, и в этом пункте обнаруживается параллелизм с истинными потребностями, для которых важно не только состояние напряжения данной конкретной потребности, но и общее состояние насыщенности, пресыщенности или ненасыщенности потребностей данного индивида. (Вообще пресыщенный, «сытый буржуа» в конечном счете с трудом восприимчив к каким бы то ни было побудителям.)

(г) Реальная связь между квазипотребностью и истинной потребностью

1. Квазипотребности и противостоящие им потребности

Если действие намерения понимать как квазипотребность, то обнаруживается не только его формальная параллель с истинными потребностями, но одновременно проясняется и *реальное отношение между действием намерения и естественными потребностями*.

Различные естественные потребности могут вступить в конфликт друг с другом, то есть соответствующие *состояния напряжения не полностью изолированы друг от друга*. Частью они образуют несамостоятельные моменты одного более общего состояния напряжения, частью же стоят по меньшей мере в определенной реальной коммуникации в соответствии со степенью взаимосвязи соответствующих сфер или комплексов в психическом целом. (На эти факты часто не обращают достаточного внимания при исследовании влечений.)

То же самое верно и для реальных отношений квазипотребностей между собой и с истинными потребностями. Отсюда понятно, почему намерения постоянно забываются, если налицо имеется сильная истинная *противоположно направленная потребность*.

От вопроса о содействии и противодействии квазипотребностей и истинных потребностей можно перейти и к вопросу о *«полной произвольности» намерений*. Сам по себе заслуживает удивления тот факт, что человек обладает чрезвычайной свободой в том отношении, что может сделать предметом намерения любое, даже бессмысленное действие, то есть вызвать в себе соответствующую квазипотребность. Эта свобода характерна для цивилизованного человека. Дети и, по всей видимости, дикари, могут

пользоваться ею в гораздо меньшей степени, и она, вероятно, отличает человека от наиболее родственных животных в большей мере, чем его более высокий интеллект. (Это различие очевидно связано с вопросом об «овладении».)

И тем не менее *человек отнюдь не может сделать объектом намерения любое действие*, если в качестве критерия взять возникновение реальной квазипотребности. Нельзя без реальной потребности сделать объектом намерения убийство себя самого или своего знакомого, или же предпринять что-нибудь серьезное против своих реальных интересов. Такие намерения не могут быть осуществлены даже под действием гипноза. В таких случаях с особенной ясностью обнаруживается реальная связь между квазипотребностями и истинными потребностями.

У детей граница произвольности намерения гораздо уже, у них часто отсутствует даже возможность придать вещам и событиям, самим по себе *нейтральным*, положительную побудительность на основе квазипотребности. Для детей особенно необходимо, чтобы действия, которые они хотят сделать объектом намерения, хотя бы в некоторой степени обладали естественной побудительностью. (Эти вопросы играют большую роль в педагогике раннего детства.)

2. Квазипотребности и одинаково с ними направленные истинные потребности

Реальная связь между квазипотребностями и истинными потребностями дает объяснение и такому на первый взгляд парадоксальному явлению: как однозначно показывают результаты различных экспериментальных исследований, *интенсивность акта намерения не является решающей для действительности этого намерения*.

То обстоятельство, что особенно интенсивные акты намерения нередко менее действительны, чем более слабые, основывается, как было уже упомянуто, частью на том, что вообще *«судорожные»* действия обычно менее успешны, чем спокойные. Это же относится и к акту намерения, понимаемому как действие.

Но еще существеннее следующее обстоятельство. Порожденные актом намерения напряжения и побудительности не являются чем-то первичным. Они возникают на основе каких-то истинных потребностей, которые сами основываются на влечениях и общих волевых целях. Поэтому и *квазипотребность*, возникнув, в дальнейшем продолжает *сообщаться с комплексом существующих напряжений, таких как истинные потребности*. Намерение (например, опустить письмо в почтовый ящик, посетить знакомого, или даже в качестве испытуемого заучить ряд бессмысленных слогов) даже в том случае, если выполнение соответствующего действия представляет собой относительно хорошо обособленное целое, не является чем-то изолированным (благодаря лежащим в его основе силам), а вытекает из более широких потребностей: из желания закончить свою профессиональную работу, или продвинуться вперед в своих студенческих занятиях, или оказать дружескую услугу знакомому. По существу, действительность намерения зависит не от интенсивности акта намерения, а (если отвлечься от других факторов) от *силы* и *жизненной значимости* или, вернее, от *глубины укорененности* в психике тех истинных потребностей, в которые включена квазипотребность.

«Истинные» потребности, о которых идет речь, суть, во-первых, *те, из которых выросли сами намерения*, то есть которые привели к тому, что человек решил выполнить соответствующее действие. Следовательно, при намерении опустить письмо в почтовый ящик была потребность кого-то известить, основанная, в свою очередь, на еще более общей волевой цели.

Наряду с этим при осуществлении намерения нередко обнаруживаются *напряжения* и *силы*, которые *в возникновении самого намерения почти или вовсе не принимали участия*. Очень часто бывает так, что как только намерение принято или действие начато, захваченной оказывается «вся личность» целиком и тем самым устанавливается коммуникация с напряжением, связанным с «самосознанием» и «боязнью

неполноценности». Индивидуальные различия в легкости, с какой такого рода побочные силы вливаются в действие выполнения намерения, а то и становятся его единственными движущими силами, представляются очень значительными: например, содержанием принятого жизненного идеала может быть желание «возможно тверже держаться принятого решения». Громадное значение в этом отношении имеет и *ситуация*. Так, например, упомянутая выше значительно меньшая забывчивость при *групповых* опытах, чем при индивидуальных (Биренбаум), может быть объяснена действием подобных сил.

Как показывает пример с групповыми опытами, коммуникация с подобного рода различными истинными потребностями может существовать с самого начала. Но нередко при самом акте принятия намерения ее еще нет, и она возникает только в ходе дальнейшего развития процесса. Речь идет здесь не только о понятийной связи, существующей, например, при понятийном родстве между различными типами потребностей, но о *реальной коммуникации* конкретных состояний напряжения. Ее наличие или отсутствие устанавливается не вообще, а от случая к случаю; она возникает в определенные моменты времени и ее возникновение — это реальный процесс, который может развиваться постепенно или прорываться внезапно.

Во всяком случае, остается открытым и требующим экспериментального исследования вопрос о том, не существует ли наряду с этими истинными потребностями еще и некоторый *фонд* (различный у различных индивидов) «*активной энергии*», который мог бы быть использован теми преднамеренными действиями, которые сами по себе не связаны ни с какими истинными потребностями. Некоторые явления, например, у больных энцефалитом (быстрый переход к мелкому письму, застревание вскоре после начала действия), легко могут быть объяснены в этом контексте.

Мысль о том, что решающее значение для действенности намерения имеет не его интенсивность, а глубина лежащей в его основе настоящей потребности, перекликается с часто приводившимися нами соображениями Линдворского⁶⁶. Он тоже считает неправильным утверждение о том, что повторение какого-либо акта с необходимостью укрепляет способности, осуществляющие этот акт. Он считает решающим моментом отношение соответствующего намерения к определенным *ценностям*, к которым стремится индивид.

Здесь необходимо указать на опасность, которую несет с собой употребление этого термина, часто используемого для обозначения далеко не психологических понятий. Действительно, уже Зигмар⁶⁷ показал, что, приступая к решению этих вопросов, мы покидаем биологическую психологию и переходим в сферу других наук.

Несомненно, та оценка, которую индивид дает какой-либо вещи или событию, играет существенную роль в процессе мотивации и в поведении человека в целом. Однако при этом необходимо всегда иметь в виду, что для нашей проблемы важна не какая-либо объективная шкала ценностей, а субъективное, в данный момент протекающее «приписывание ценности», которое, например, осуществляет ребенок по отношению к таким «ценностям», как поглаживание собаки или шоколадка, и которое изменяется со сменой «степени насыщения» субъекта, да и с каждым изменением ситуации. Но прежде всего необходимо подчеркнуть два факта: 1) ценность вещи не идентична ее побудительности, влекущей к определенным действиям (некоторая сумма денег, находящаяся в определенном месте, может для кого-либо представлять высокую ценность, не побуждая в то же время к ее похищению, между тем как в другом случае она может обладать такой побудительностью в весьма сильной степени). Разумеется, между ценностью вещи и ее побудительностью существует взаимосвязь, однако временами они могут совершенно расходиться друг с другом; 2) нельзя забывать, что *источником энергии для процесса является не ценность, но что должны существовать определенные реальные психические напряжения, энергетически заряженные психические системы*, и что эти *динамические* факты существенно определяют течение процесса.

Раз действительность квазипотребности в основном зависит не от интенсивности акта намерения, а от реальной связи с *истинными* потребностями, становится понятным то

---

⁶⁶ Lindworsky J. Der Wille. Leipzig, 1923.

⁶⁷ Sigmar. Ober die Hemmung bei der Realisation eines Willensaktes // Archiv für die gesamte Psychologie. 1925. 52.

постоянно проявляющееся в эксперименте обстоятельство, что «*феноменальное одеяние*», в котором выступает в сознании намерение, имеет, по-видимому, весьма малое значение.

Уже Ах указал на случаи сильной действенности менее интенсивных актов намерения (он обозначает их как слабое, привычное или несовершенное желание). Бывают даже многочисленные случаи, когда вообще нельзя говорить о наличии акта намерения и тем не менее имеет место психологический эффект, совершенно эквивалентный акту намерения. Намерение испытуемого, динамически содержащееся в «принятии инструкции», часто принимается посредством акта, который феноменально едва ли отличим от простого понимания инструкции. Часто простая «мысль» — «Это можно было бы, собственно, сделать так-то и так-то», или «Было бы хорошо, если бы случилось то-то и то-то», — выполняет одновременно *функцию* намерения. Достоевский описывает крайний вариант такого случая, когда без акта намерения, и даже вопреки невозможности придти к какому-либо решению, психические, *динамически-реальные* факты сразу оказались такими, как будто окончательное решение было принято: «Он ясно почувствовал и вдруг сознал, что бежит-то он, пожалуй, бежит, но что разрешить вопрос, *до* или *после* Шатова (после убийства. — *К.Л.*) ему придется бежать? — он уже совершенно теперь не в силах». Он чувствовал, «что бежит он не до Шатова, не от Шатова, а именно *после* Шатова и что уже так это решено, подписано и запечатано»⁶⁸.

Известное родство с этим обнаруживают также и некоторые другие случаи, когда решение «*вырвано*» у человека, а не принято им в собственном смысле слова⁶⁹.

В других, по крайней мере феноменально очень сходных, случаях подобный эффект, однако, отсутствует, и несомненно небезразлично, останется ли потребность на стадии простого *желания* или же сгустится в реальную *квазипотребность*. При этом мне кажется весьма важным, что в последнем случае *создается принципиальный доступ к моторной сфере, которого до этого не было*. Однако и в этом случае решающим моментом является не наступление ярко выраженного переживания «я действительно хочу», а то, установлена ли *реально* возможность доступа к моторике, или нет.

3. Различные степени динамической самостоятельности (обоспеленность квазипотребностей)

Та степень, в которой остальные потребности воздействуют на квазипотребность *во время выполнения действия*, в каждом отдельном случае очень различна.

Испытуемый получает задание прикоснуться двумя пальцами к концам медных проводов и после этого другою рукой самому нажать на кнопку, включающую ток, причем испытуемый должен получить при этом довольно сильный электрический удар. Бывают испытуемые, которые, раз решившись на выполнение этой задачи, производят особенное *деловое* впечатление. Их действие выглядит особенно прямолинейным (некоторые наблюдатели сказали бы: «по-военному»). Эта внешняя картина согласуется с показаниями самонаблюдения. Испытуемый показывает, что он действовал «почти как во сне», и кроме этого может сообщить о своих переживаниях поразительно мало.

Поведение других испытуемых кажется гораздо менее прямолинейным. Даже *после* решения приступить к действию у них заметны те внутренние колебания и противостоящие напряжения, которые предшествовали решению. Решение в этом случае не означает столь же существенного разрыва в течении предшествующих процессов, как у вышеупомянутого «делового» типа испытуемых. Но, как ни парадоксально, у «делового» типа не наблюдается более слабого страха перед электрическим ударом. Наоборот, в тех случаях, которые мы наблюдали, именно у этого типа страх перед неприятными

⁶⁸ Достоевский Ф.М. Бесы. М.: Художественная литература, 1990. С. 519.

⁶⁹ Michotte A., Pèym E. Etude expérimentale sur le choix volontaire et ses antécédents immédiats // Archives de psychologie. 1910. 10. P. 117-299.

последствиями действия оказывался значительно сильнее, чем у многих испытуемых более «субъективного» типа.

Описанное на этом примере различие, которое и в других случаях играет существенную роль при выполнении решений, связано с общими и фундаментальными вопросами структуры психического, которых мы можем коснуться здесь только бегло. Вся совокупность психического, характеризующая индивида, вовсе не образует однородного единства, в котором каждый объект или процесс в равной мере связан со всеми остальными или в котором мера взаимного влияния зависит исключительно от интенсивности, мощности или значимости соответствующих объектов или процессов. Напротив, существуют психические сферы или комплексы, которые тесно связаны между собой, но по отношению к другим психическим комплексам обнаруживают более или менее сильную обособленность. По существу, включенность в один и тот же или в различные комплексы определяет, насколько сильно душевное событие или психическая сила будут воздействовать на другие душевные образования.

Степень самостоятельности и обособленности комплекса в каждом конкретном случае может быть очень различной. Рассмотрим пример из сферы моторики. Кинооператор, который должен равномерно вращать рукоятку кинокамеры, в начале своей профессиональной деятельности невольно застопоривается при внезапном неожиданном происшествии в поле зрения, на его работу влияет каждое движение головы, каждая смена руки, вращающей рукоятку камеры. Опытный оператор может равномерно вращать рукоятку независимо от всех этих влияний. Движение его руки и весь процесс вращения у него в значительной степени обособлены от прочих действий и впечатлений и образуют *относительно самостоятельный рабочий орган*. Часто (например, при продолжительной работе на штамповочном станке) такое действие становится регулярной реакцией на определенные раздражители.

Обычно в этих случаях говорят о «механическом» действии. Однако в нашей связи существенны не *рефлексоподобный характер* процесса и не *стереотипность* действия. И при нерегулярно протекающих действиях (если, например, надо поймать не всегда одинаково брошенный мяч или если при вращении ручки кинокамеры изменяется трение) может, опять-таки «чисто механически», возникнуть корректирующее изменение хватательных движений или напряжения мускулов при вращении ручки. Механизм, следовательно, часто работает как настоящий цельный орган, в котором согласованно действуют «перцептивная основа» и «моторика». (Впрочем, этот механизм, как и всякий другой орган, при известных обстоятельствах может перейти от естественной гибкости к жесткости и автоматизму.)

Здесь существенна, следовательно, не механистичность, а то обстоятельство, что возникает специальный *самостоятельный «орган действия»*: вращение ручки аппарата уже не образует, как прежде, несамостоятельную часть единой моторики (взаимодействующей с перцептивной основой как единое целое). Особая часть моторной сферы — вращение ручки аппарата — выделена из прочей моторики и объединена с известной, ранее тоже несамостоятельной, частью перцептивного поля в один самостоятельный орган действия. Другими словами, тип гештальта и прочность взаимосвязей в нем, его системные связи в динамическом отношении изменились. Старые связи оказались нарушены и образовалось новое относительно замкнутое целое.

О совершенно аналогичном процессе идет речь и в приведенном выше примере действительности решения. У испытуемой, которой задача была особенно неприятна и которая, тем не менее, потом преуспела в ее выполнении, производя впечатление особенно деловой и прямолинейной, напряжение квазипотребности, порожденной актом решения, было гораздо сильнее *обособлено от остального «Я»*, чем у других испытуемых. Пограничный слой, образовавшийся между этой квазипотребностью и остальными психическими комплексами, действует в обе стороны. Он делает выполнение решения более независимым от остальных психических напряжений (отсюда

прямолинейность), и в то же время, по-видимому, предоставляет индивиду сильную защиту от неприятных переживаний конкретного процесса (отсюда сновидность процесса). Тем самым понятно, что именно у той испытуемой, которая особенно боялась неприятностей, наступила столь сильная объективация и изоляция этого конкретного психического комплекса.

Во время войны в ходе боя нередко можно было наблюдать случаи аналогичного поведения определенного типа так называемых «лихих» солдат.

Степень самостоятельности квазипотребности по отношению к напряжениям остальных потребностей очень различна в каждом отдельном случае и по-видимому может иметь весьма различное значение у различных индивидов.

(А) Запоминание законченных и незаконченных действий

Реальное состояние напряжения, из которого вытекает преднамеренное действие, заметно не только в самом этом действии, но может быть еще зафиксировано и косвенно — по фактам из психологии памяти. Можно, например, спросить, что *припоминается* лучше: законченные преднамеренные действия или незаконченные. На первый взгляд, можно было бы ожидать, что лучше удерживаются в памяти законченные действия, которые занимали человека большее время.

Эксперимент показал следующее⁷⁰: испытуемый в течение экспериментальной сессии должен был выполнить 20 действий. Часть этих действий была прервана экспериментатором до их окончания. Вскоре после окончания последнего действия экспериментатор проверял, о каких действиях у испытуемого сохранилось воспоминание.

Оказалось, что в среднем *незаконченные действия на 50 % лучше удерживались в памяти, чем законченные*. Различные виды действий (действия с четким концом и длящиеся действия, интересные или безразличные действия), а также различные типы испытуемых обнаруживали характерные различия. В целом здесь следует отметить, что при прерывании преднамеренного действия сохраняющееся *состояние напряжения* выражается не только в тенденции к возобновлению действия, но и в воспроизведении его в памяти.

Впрочем, это напряжение не при всех обстоятельствах и не у всех индивидов ведет к лучшему удержанию в памяти; оно может привести и к «явлениям вытеснения». С другой стороны, у людей определенного «*ребяческого типа*» это напряжение способствует особенно прочному сохранению в памяти.

2. Условия возникновения намерения. Преднамеренное действие, «волевое» (управляемое) действие и «импульсивное» (полевое) действие

Если попытаться, пусть приблизительно, установить, как часто в повседневной жизни появляются намерения, при которых хотя бы в незначительной мере переживался особый акт принятия этого намерения, то можно прийти к поразительному на первый взгляд факту: *акты намерения не так уж часты*. Впрочем, день нередко начинается с акта намерения: около 50 % опрошенных студентов обычно показывают, что в этот день утреннее вставание потребовало от них специального акта намерения соответствующего содержания. Однако процессы одевания, выпивания кофе, ухода на работу лишь в единичных случаях сопровождаются актом намерения, который можно констатировать как таковой. Также и в последующем течении дня эти акты намерения в целом выступают очень редко.

Это не следует пытаться объяснить только тем, что привычка или более общее намерение, твердо определившее распорядок дня на длительный период, виновны в таком редком появлении актов намерения. При наблюдении за детьми во время их игры в новых

⁷⁰ Опыты были поставлены г-жой Зейгарник в Берлинском Психологическом институте.

ситуациях точно так же не создается впечатления частых актов намерения, даже и в том случае, когда игра идет возбужденно и дети ссорятся. Возникает ли какое-то новое событие, которое привлекает их, хотят ли они иметь определенный предмет, который есть у другого ребенка и т.п. — все случаи перехода к новым поступкам не опосредствуются актами намерения. Налицо непосредственное побуждение к действию, называемое обычно «импульсивным» или «непроизвольным». *Там, где непосредственно проявляются истинные потребности, действиям, как правило, не предшествует никакой акт намерения.* (Действительно, с точки зрения теории квазипотребностей такой акт намерения был бы бессмысленным.)

Однако с другой стороны, *ни в коем случае нельзя называть «импульсивными действиями» все те действия, которым не предшествовал никакой акт намерения.* В разговоре, например, ответу на вопрос или вообще реплике в ответ на реплику очень редко предшествует особый акт намерения; по существу, он появляется только тогда, когда хотят солгать или что-нибудь скрыть. И тем не менее ни в коем случае нельзя такой разговор, обмен вопросами и ответами, при которых отсутствует акт намерения, назвать импульсивным, скорее наоборот, ему необходимо приписать волевой характер. То же относится ко многим поступкам в повседневной жизни, например к профессиональным действиям: они не автоматизированы, но их нельзя также назвать и неуправляемыми, импульсивными действиями, хотя им и не предшествует никакой акт намерения. Такое положение дел, равно как и другие обстоятельства, обсуждение которых здесь завело бы нас слишком далеко, вынуждают меня признать, что *преднамеренное действие как таковое не является основным случаем волевого поведения. Для отнесения какого-либо процесса к определенному типу, необходимо выдвинуть на первый план не то, предшествовал ли ему по времени какой-либо другой акт или нет, а сам характер протекания этого процесса.*

Если исходить из этой точки зрения, то типичными случаями не импульсивных, а *волевых действий* необходимо считать следующее: человеку грозит какая-нибудь опасность или неприятность, однако он не уступает ей, но смотрит ей прямо в лицо или идет ей навстречу; человек остается спокойным, несмотря на все оскорбления; человек проявляет холодность или недружелюбие к тому, кто с ним приветлив. Это — *контролируемое действие*, которое становится теперь в центр нашего внимания⁷¹.

Если отвлечься от *автоматизированных* и *рефлекторных* в узком смысле слова действий, обычное употребление термина «Trieb» (инстинкт, влечение, импульс) в этом контексте неоднозначно. Под *импульсивным действием (Triebhandlung)* понимают, во-первых, действие «непроизвольное, управляемое силами, *неподвластными* индивиду». Такие действия далеко не всегда выступают в качестве непосредственных по времени следствий определенной совокупности стимулов; им вполне может предшествовать некоторая нерешительность. Однако с другой стороны, внезапное «включение» действия в ответ на какую-нибудь группировку стимулов действительно является признаком неуправляемой реакции. Таким образом понятие «непроизвольное, импульсивное» получает свое второе значение — процесса, *противоположного тем процессам, которым предшествует особый акт намерения.*

Однако необходимо подчеркнуть, что реальное преднамеренное действие, то есть действие, которому предшествовал особый акт намерения, далеко не всегда отличается тем управляемым характером, который образует противоположность импульсивному действию. Разумеется, преднамеренное действие вполне может быть управляемым. Если ребенок намеревается пройти мимо собаки, которой боится, то иногда это происходит как управляемое действие, то есть ребенок хотя и осторожно, но с полным самообладанием и со спокойной выдержкой проходит мимо собаки. Однако во многих случаях *преднамеренное действие отнюдь не имеет характера управляемого действия* или имеет

---

⁷¹ См. также: Klages A. Prinzipien der Charaktereologie. Leipzig, 1921.

его лишь в очень незначительной степени. Так, в случае, подобном вышеприведенному примеру, выполнение принятого намерения часто принимает вид совершенно неуправляемого бега мимо собаки, а не осторожного контролируемого движения.

В этом случае процесс протекает, следовательно, так, как если бы намерение выступало просто как еще одна сила наряду с другими силами ситуации (психологического поля), и как если бы само действие протекало совершенно импульсивно, неуправляемо, на основании существующего в данный момент распределения сил.

Такие неуправляемые или малоуправляемые исполнительные действия очень часто возникают в ситуации преднамеренной активности; более того, они в известном смысле более характерны для преднамеренного действия, чем контролируемое выполнение намерения. Обычный, простейший опыт с реакциями, где при первой попытке безусловно имеет место настоящее преднамеренное действие (процесс, который происходит только на основе предшествовавшего намерения испытуемого), тем не менее обычно обнаруживает тип ярко выраженного неуправляемого действия, если иметь в виду процесс исполнения в собственном смысле слова (то есть процесс, возникающий вслед за появлением сигнала). (Только в опытах с загадочными картинками или при осознании ошибок действие несколько изменяется в сторону управляемости.) Как раз в случаях полного успеха намеченного исполнительное действие часто после наступления соответствующего случая происходит произвольно (опускание письма в почтовый ящик) или же стоит на шкале контроля над действием безусловно ближе к неуправляемым действиям, чем к управляемым.

Итак, необходимо строго различать понятие волевого в смысле «преднамеренного действия» и понятие волевого в смысле «управляемого действия», а также оба противоположных случая, которые иногда обозначаются одним и тем же термином «импульсивное». Было бы целесообразно в интересах чистоты понятий и во избежание недоразумений вовсе отказаться от терминов «воля» и «импульсивный». Вместо них, по крайней мере в контексте обсуждаемых здесь проблем, следовало бы употреблять: (1) термин «управляемое действие» с противоположным ему понятием «неуправляемое действие» или, так сказать, «полевое действие» (то есть действие, которое непосредственно определяется силами поля)⁷². Рядом с ним следует поставить (2) понятие «преднамеренное действие», которое подразумевает *не определенный тип исполнительного действия, а наличие предшествовавшего акта намерения, вытекание действия из квазипотребности*.

Во всяком случае, можно с полной уверенностью установить следующее: то, что действие вытекает из намерения, еще ни в коей мере не определяет характер выполнения этого действия. Оно *может* протекать в качестве управляемого действия, но в то же время случаи относительной неуправляемости для него характернее и теоретически существеннее. Ибо в них действенность намерения выступает во многих отношениях с особенной четкостью: на основе намерения определенные вещи или события, которые иначе были бы для данного лица нейтральными, безразличными, приобретают побудительность и непосредственно ведут к неуправляемым, чисто полевым действиям (теория детерминирующей тенденции тоже особенно подчеркивает эти случаи).

Отсюда основной момент действенности намерения следует видеть в подготовке⁷³: на основании акта намерения позднее образуется психическое поле, которое без этого намерения не существовало бы или существовало бы не в этой форме. *Благодаря*

⁷² Естественно, и управляемое действие подчинено силам общего психического поля. Но при управляемом действии человек обычно не отдается полностью соответствующему полю. Определенная часть личности остается в резерве, давая возможность «стоять над процессом», лучше контролировать действие. Иначе говоря, ограниченность психической системы здесь иная, чем при неуправляемом действии, прежде всего вследствие большей независимости или лучшего доминирования «Л-системы».

⁷³ Г.Е.Мюллер также видит существенный момент намерения в предварительной подготовке (*Muller G.E. Zur Analyse der Gedachtnistatigkeit und des Vorstellungsverlaufs. III. Teil // Zeitschrift fur Psychologic 1913. Ergänzungsband 8*)

намерению создаются такие обстоятельства, которые позднее позволяют просто отдаться действию поля (письмо опускается в почтовый ящик), или на основе которых это будущее поле так преобразуется или в нем возникают такие дополнительные силы, что становится легче (или же вообще возможно) осуществить управляемое действие.

Теперь можно ответить и на вопрос о том, в каких случаях вообще возникает намерение. Намерение не характерно для волевого действия в смысле действия управляемого, но намерение в узком смысле слова возникает только тогда, когда имеется известное *предвидение* (это не значит, что должен быть отчетливый образ будущего). Оно возникает именно тогда, когда предвидимая ситуация сама по себе не обладает той побудительностью, которая повлекла бы за собою желаемое действие как простое полевое действие; или же тогда, когда предвидимая ситуация естественным образом должна вызвать полевые действия, противоположные намеченному.

В качестве типичного примера можно было бы привести следующий случай из опытов госпожи Дембо, поставленных в другой связи. Испытуемый хотел бы покинуть свое место вопреки запрещению, но не смеет этого сделать, то есть не в состоянии осуществить уход в качестве управляемого действия. В качестве выхода он прибегает к следующему намерению: «Как только стрелки стенных часов примут такое-то положение, я уйду» (подобные случаи часто имеют место и в повседневной жизни). Таким образом, он создает для определенного более позднего момента побудительность, которая непосредственно побуждает его уйти и тем самым непосредственно помогает выполнению преднамеренного действия, или, по меньшей мере, сильно облегчает его. (Очень интересен вопрос, почему в данной ситуации оказывается невозможным непосредственный уход, но возможен такого рода акт намерения, однако мы не можем заняться сейчас его обсуждением.)

С влиянием намерения на определенные будущие ситуации связаны также следующие случаи. Бывает, что человек боится тех или иных ожидаемых событий или ситуаций, и, соответственно, «вооружается сильными намерениями». Конкретная же, хотя излагаемое здесь понимание существенно отличается от его теории ситуация, наоборот, оказывается относительно безобидной, и тогда возникает ощущение, что со своими интенсивными намерениями человек ломится в открытую дверь. На примере таких случаев, когда *знание* о будущем оказывается ошибочным и конкретная ситуация сама по себе отнюдь не оказывает ожидаемого противодействия, связь между намерением и предвидением становится особенно ясной.

Процесс, благодаря которому изменяется естественное воздействие будущего поля, в основном один и тот же и в случаях типа только что описанного примера, и в случаях типа опускания письма в ящик или в простых опытах с реакциями. Возникает, как мы видели, *квазипотребность* с определенными фиксированными или нефиксированными побудительностями.

Рука об руку с намерением идет процесс, который можно было бы назвать принятием решения в узком смысле слова. Функционально существенный эффект этого процесса состоит в том, что благодаря ему для определенного внутреннего напряжения создается или облегчается доступ к действию, к моторике, будет ли это реализовано сразу, или же намечено только в принципе (то есть для будущей ситуации). Следовательно, при «решении» в узком смысле слова не возникают новые психические напряжения (или, поскольку они возникают параллельно с ним, это не составляет его сущности), а уже *существующее напряжение получает такой доступ к моторной сфере*, которого до этого момента не было. Феноменологически чистым выражением такого решения как динамического факта является в случаях немедленного действия переживание: «Я действительно хочу»⁷⁴, «Да будет так»⁷⁵, в смысле: «Итак, я это сделаю». При решении

---

⁷⁴ Ach N. Über den Willensakt und das Temperament. Leipzig, 1910; Lewin K. Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Assoziation II // Psychologische Forschung. 1922. 2; Michotte A., Prum E. Etude expérimentale sur le choix volontaire et ses antécédents immédiats // Archives de psychologie. 1910. 10.

часто речь идет о том, что в одном и том же человеке одновременно существует несколько противоположно направленных напряженных систем, и что в результате решения эти системы напряжения в известном смысле приводятся к равновесию, или же некоторые системы «выключаются»⁷⁶. Во всяком случае создается такая внутренняя ситуация, при которой действие может управляться какой-то одной, относительно однозначной системой напряжения. В таких случаях иногда можно наблюдать определенные внутренние колебания перед принятием решения (так называемая борьба мотивов).

В этом случае говорят об окончательном решении. При этом часто дело заключается еще и в том, чтобы в интересах чистоты действия пресечь его связи с конкурирующими за доступ к моторике системами. Но это не всегда удается полностью. И поэтому нередко получается, что вопреки решению, в действие (хотя и в ослабленной форме) заметно вмешиваются те напряжения, которые притекают из оттесненных систем. Это может приводить к нецелесообразным смешанным действиям, а в итоге — к торможению или ослаблению основного действия.

Для такого решения, определяемого функционально, так же нельзя указать однозначных обнаруживаемых в переживании признаков, как и для намерения. Твердость решения и интенсивность соответствующего акта не находятся между собой ни в каком однозначном отношении, и даже существенные в функциональном смысле решения могут приниматься без сколько-нибудь существенных переживаний акта решения.

Намерение в функциональном смысле (то есть возникновение квазипотребности) и решение в функциональном смысле (то есть выключение или снятие существующих наряду друг с другом внутренних напряжений в аспекте их господства над действиями или моторикой) иногда обнаруживаются в очень тесной взаимосвязи — как два функциональных компонента одного и того же процесса, различимые лишь в теории, — а иногда выступают и раздельно в относительно чистом виде. Внутреннее решение, решимость действовать в каком-нибудь определенном направлении может повлечь за собой особое намерение относительно конкретного способа его выполнения. С другой стороны, одновременно с намерением и возникновением квазипотребности обычно сразу же открывается принципиальный доступ к моторике, причем для этого нет необходимости в особом акте решения, по крайней мере тогда, когда нет противонаправленных внутренних напряжений.

3. Квазипотребность как кондиционально-генетическое понятие

Для определения какой-либо конкретной квазипотребности, возникшей вследствие акта намерения, нельзя, как мы видели, просто обозначить ее как тенденцию к какому-нибудь определенному действию. Одна и та же конкретная индивидуальная квазипотребность может сама по себе проявляться при весьма разнообразных соответствующих случаях и вести к самым разнообразным исполнительным действиям, поскольку они оказываются одинаково подходящими для насыщения этой квазипотребности и разрядки имеющейся напряженной системы. *Лишь сочетание квазипотребности и конкретной ситуации определяет, какие действия будут выполнены.*

Тем самым мы обращаемся к тому типу образования понятий, который как раз в настоящее время широко распространен в биологии.

То или иное живое существо (а также отдельный орган) определяется согласно своему «генотипу» как совокупность задатков, в свою очередь характеризующихся не как тенденции к точно определенным действиям или к конкретному фенотипу, но как совокупность способов поведения, каждый из которых подчинен определенной ситуации,

---

⁷⁵ James W. Psychologie. Leipzig. 1909. <Рус. пер.: Джеймс В. Психология. М.: Педагогика, 1986.>

⁷⁶ См.: Koffka K. Psychologie // Die Philosophie in ihren Einzelgebieten. Berlin, 1925; а также: Claparede E. Does the Will Express the Entire Personality? // Problems of Personality. Studies in Honour of Dr. Morton Prince. London, 1925. P. 39-43.

обуславливающей его возникновение. Одно и то же генотипическое образование в ситуации *A* ведет к фенотипическому образованию *a*, в ситуации *B* — к фенотипу *b* и т.д.⁷⁷

В этом смысле и квазипотребность следует определить не как напряжение, направленное на вполне определенное действие, а через указание на известный круг таких возможных действий, каждое из которых с необходимостью обусловлено определенной ситуацией для пояснения отношения между богатой изменчивостью материала рефлексов и инвариантностью инстинкта привел сравнение с транспонированием мелодии в другие тональности, однако воздержался от помещения его в прессе. На самом деле, когда определенное намерение (квазипотребность) выполняется не заранее намеченным, а каким-либо иным способом, дело вовсе не в реализации одной и той же двигательной структуры движения на другом материале.

И ни в коем случае здесь не должна идти речь о замене понятия врожденности понятием привычки (См.: *Bithler C. Ibidem. S. 15*). Аналогичное относится и к конкретным процессам, посредством которых формируется определенная квазипотребность. Здесь также невозможно *никакое однозначное подчинение фенотипически определенному процессу возникновения*; одна и та же квазипотребность может быть, как мы видели, обусловлена фенотипически сравнительно разнородными процессами.

Вопреки обыкновению, необходимо подчеркнуть, что подобный способ образования понятий необходимо применять также к влечениям и другим видам истинных потребностей. «Нажим» потребности (исключая, может быть, случаи ярко выраженной фиксации на очень узком круге объектов) оставляет открытой определенную область конкретных возможностей осуществления действия и *только сочетание потребности и ситуации* (которую, в свою очередь, нельзя понимать как нечто сиюминутное) *фенотипически однозначно определяет конкретный процесс*.

С пониманием квазипотребности как кондиционально-генетического понятия определяется и ее отношение к понятию «бессознательного». Называть потребности бессознательными столь же неадекватно, как и применять это обозначение к «генотипу» или «задаткам».

Однако различение сознательных и бессознательных потребностей, возможно, имеет смысл постольку, поскольку бывают потребности, цели которых осознаются самим индивидом, в то время как другие или совсем не проникают в сознание, или осознаются лишь в исключительных случаях и только на короткий момент. Цель и состояние напряжения *могут* переживаться, однако реальному состоянию напряжения, связанному с квазипотребностью, нет нужды проявляться в форме переживания.

Заметим, что подчеркивание значения кондиционально-генетических понятий вовсе не означает выдвигания на передний план «операциональных понятий». Хотя стремление к кондиционально-генетическим понятиям, возможно, имеет место также в бихевиористской и рефлексологической школах, но было бы большой ошибкой равнять кондиционально-генетические понятия с операциональными. Наоборот, ориентация на операциональные понятия, как было указано еще в самом начале, является чрезвычайно мощным препятствием для проникновения к глубинным фактам, определяемым кондиционально-генетически. С этой точки зрения внешние операции следует поставить рядом с психической феноменологией. И то и другое относится к фенотипическому, а не к генотипическому образованию понятий (с той только разницей, что одно выявляется путем «внешнего», а другое — «внутреннего» наблюдения).

Резюме

Преднамеренное действие нельзя рассматривать как основной тип волевой деятельности. Скорее, оно обнаруживает все переходные формы, начиная от вполне управляемых действий и кончая неуправляемыми, импульсивными полевыми действиями. Причем наиболее характерны для преднамеренных действий как раз те случаи, которые близки к последнему типу. В целом преднамеренные действия скорее следует отнести к полевым действиям, чем к управляемым.

Этому соответствует то, что большинство управляемых (волевых) действий не нуждается в предшествующем акте намерения. Преднамеренные действия относительно

---

⁷⁷ К.Бюлер (*Bithler C Bericht uber den IX Kongrefi der Gesellschaft fur Psychologie 1925. Jena, 1926*)

редки. Они представляют собою заранее подготовленные действия. При этом в рамках управляемого в целом действия акт намерения подготавливает, как правило, *неуправляемое полевое действие*.

Действие намерения идет по двум направлениям. Одно из них связано с *образовани*ем или преобразованием определенного *будущего психологического поля*, другое имеет своим результатом то, что для известных психических напряжений в данный момент или позднее создается *доступ к моторной сфере*. Эти два эффекта часто проявляются вместе, временами же раздельно.

Первый из названных функциональных моментов можно обозначить как «намерение» в более узком смысле слова, другой — как «решение» в более узком смысле слова.

Решение ведет к снятию уже существующих, противоположно направленных напряжений в целостной личности или, по меньшей мере, к сдвигу внутренней ситуации в направлении подчинения процессов действия относительно согласованным напряжениям.

Другой эффект описываемых процессов (тем самым мы будем говорить об их действии в качестве *намерения* в узком смысле слова) обнаруживается, в частности, в том, что известные соответствующие случаи, которые без акта намерения оставались бы нейтральными, теперь, приобретя побудительность, ведут к определенным исполнительным действиям. Такие *соответствующие случаи* могут быть однозначно заданы, возможно даже ограничены определенным индивидуальным случаем, предопределенным в акте намерения. Точно так же *может* быть однозначно предопределен и *способ выполнения* намерения. Хотя этот случай намерения нельзя рассматривать в качестве его основного типа, даже здесь движущие силы преднамеренного действия *не удается* обнаружить в возникшем в акте намерения *феномене сцепления* между представлением соответствующего случая и выполнением действия.

Акт намерения часто оставляет более или менее неопределенными как соответствующие случаи, которые побуждают к выполнению намерения, так и сам способ его выполнения. В таких случаях, а также, как правило, и тогда, когда в акте намерения соответствующий случай был предусмотрен, намерение может направляться на самые разнообразные *ранее не предусмотренные* соответствующие случаи, которые обнаруживают ту или иную содержательную связь с этим намерением или лежащей в его основе потребностью. То же самое относится и к осуществляющим намерение действиям.

Динамически намерение следует определить как *возникновение квазипотребности*, то есть состояния напряжения, которое обнаруживает далеко идущие параллели и реальную связь с истинными потребностями.

А) Квазипотребностям соответствует (аналогично истинным потребностям) определенный круг вещей или событий, обладающих *побудительностью*, которая сама по себе влечет к выполнению действия, удовлетворяющего потребность (выполнение этого действия насыщает квазипотребность, то есть устраняет имеющееся напряжение).

Эти исполнительные действия могут быть очень разными для одной и той же квазипотребности, в зависимости от конкретной ситуации выполнения. Квазипотребность может побуждать к единичным или многократно повторяющимся действиям.

В) *Круг* объектов, обладающих побудительностью, зависит, помимо всего прочего, от *силы* квазипотребности. Если этот круг неестественно сужен, то налицо такое положение дел, которое соответствует *фиксации* на определенных соответствующих случаях или способах удовлетворения в случае истинной потребности. Фиксация может наступить или в результате самого акта намерения, или в результате его первого осуществления, но далеко не всегда она укрепляется вследствие повторений.

С) Первичным фактом следует считать *напряжение потребности*. Если оно достаточно сильно, то ведет: к преждевременному наступлению (прорыву) действия, если соответствующий случай не наступает; к активному поиску соответствующего случая,

если он отсутствует; к возобновлению действия, если оно было прервано до своего окончания; наконец, к лучшему удержанию в памяти этих действий.

D) Если *квазипотребность насыщена*, то побудительность, как правило, исчезает, причем даже в случае фиксации (то есть в случае особого ограничения круга побудительностей). Побудительность соответствующих случаев, которые были предусмотрены в акте намерения, обычно исчезает даже тогда, когда осуществление намерения произошло другим путем и при совершенно другом соответствующем случае, чем было предусмотрено в акте намерения.

E) Настоящее выполнение может быть заменено *замещающим выполнением* в его различных формах. В известной степени оно оказывает такой же эффект, что и настоящее выполнение, и может вести к забыванию намерения и к невозобновлению незаконченного действия.

F) Порожденная актом намерения *квазипотребность* не представляет собой изолированного образования в душевной целостности, но обычно *включена в определенный психический комплекс* или в определенную сферу личности. Она *сообщается с другими квазипотребностями и с истинными потребностями*, которые коренятся в общих волевых целях или влечениях. Сила действенности намерения зависит от силы и центрального положения этих потребностей. Потребности, с которыми таким образом оказывается реально связана *квазипотребность*, не обязательно должны быть теми же самыми, которые привели к акту намерения. Действенность *квазипотребности* может быть заторможена противонаправленной истинной потребностью.

G) Феноменальная интенсивность акта намерения и его прочее «феноменальное облачение» решающего значения не имеют.